ИРИНА ВОЛК

КОРЕЯ СРАЖАЕТСЯ

ДЕТГИЗ · 1951

Annotation

Автор рассказывает о Корее и о корейцах — о мужественных, стойких и отважных людях, которые рука об руку со своими китайскими братьями отстаивали свободу и независимость родины.

- Ирина Волк
  - ОТ АВТОРА
  - СТРАНА ТРЕХ МОРЕЙ
  - ЦВЕТЫ СТАРОГО ЧУ
  - МАЛЬЧИК С ОГНЕННОГО ПОЛЯ
  - ДОМИК В УЩЕЛЬЕ
  - МАНСУ МУГАН!
  - ВЫСТРЕЛЫ НА ГРАНИЦЕ
  - КОНЕЦ «ЛЕТАЮЩЕЙ КРЕПОСТИ»
  - ДВА ОТЦА
  - КРЕЙСЕР ИДЕТ КО ДНУ
  - ВСТРЕЧА НА ДОРОГЕ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Ирина Волк
Корея сражается

ОТ АВТОРА

Корея! Чудесная маленькая страна, страна трех морей, страна гор, страна риса — хлеба Востока. Поэтически звучит ее древнее название — Страна Утренней Свежести, Страна Утреннего Спокойствия.

Радостно жил корейский народ в те дни, когда молодая народно-демократическая республика строила свободную, счастливую жизнь, когда вырастали новые фабрики и заводы, дома, больницы и клубы, когда сотни тысяч детей впервые пошли в школу, а юноши и девушки заполнили аудитории только что выстроенных университетов и техникумов.

Рабочие, крестьяне, педагоги, инженеры, врачи, домашние хозяйки делали все для того, чтобы их страна с каждым днем становилась богаче и крепче. Трудолюбивый, способный народ, который несколько десятилетий был в кабале у японцев, сразу ожил под солнцем свободы. И древний певучий корейский язык, бывший в запрете, гонимый чужеземными захватчиками, — зазвучал во всю свою силу.

Корейцы умеют ценить настоящую дружбу, дружбу, скрепленную кровью. В древнем городе Пхеньяне, на вершине горы Моранбон, в 1945 году был воздвигнут памятник Освобождения. Этот величественный обелиск создан благодарным корейским народом во славу советских воинов — воинов-освободителей.

Я была в Корее в то тревожное лето 1950 года, когда американские захватчики с помощью своих лисынмановских наемников начали кровавую войну против корейского народа. На 38-й параллели, отделяющей свободный север от юга страны, загремели предательские выстрелы лисынмановцев: верный пес американского империализма Ли Сын Ман совершил по приказу своих хозяев с Уолл-стрита грязную провокацию на границе.

Мужественно и стойко встал корейский народ на защиту своей отчизны; я видела юношей и девушек, добровольно уходивших на фронт, отряды пхеньянских школьников, без страха бросавшихся туда, где только что разорвалась бомба, чтобы оказать первую помощь раненым и вытащить задыхающихся людей из-под обломков домов.

В этой книге мне хочется рассказать о славном, героическом корейском народе. О его тяжелой жизни в черные дни японского

владычества и о том, как он воспрянул духом, после того как его освободили русские братья. О том, как, борясь за мир и демократию, корейский народ в течение пяти лет строил новую жизнь и сейчас, в тяжелые дни варварской, кровопролитной войны, затеянной американскими хищниками, в едином порыве поднялся на борьбу за свою независимость.

Люди и факты, описанные в этой книге, не выдуманы. Это живая правда Кореи.

Я хорошо знаю старого крестьянина Чу, не раз бывала в школе, где учился маленький Чу и где теперь на ее месте зияет глубокая черная яма от американской бомбы. Я знакома с семьей бывших бедняков — хваденминов: с маленьким Кимом, его отцом, матерью и сестренками. Сейчас эта семья, как и другие шахтерские семьи, снова ушла в горы, для того чтобы бороться в партизанском отряде.

Я беседовала с героями народно-демократической республики Кореи — летчиком Ли Дон Гю, моряками Ли Ван Гын и Ким Гун Ок, связным Ким Кван Су и другими кавалерами Золотой Звезды, покрывшими неувядаемой славой себя и свой народ.

Под ударами героической Корейской Народной армии американские войска, их сообщники и наймиты бегут из Кореи. Народная армия с помощью доблестных китайских добровольцев громит подлых интервентов, освобождает город за городом, деревню за деревней.

Мне хочется, чтобы, прочитав эти записки, юные читатели узнали и полюбили Корею — Страну Утренней Свежести, Страну Утреннего Спокойствия, гордую маленькую страну и ее мужественный народ, непоколебимая стойкость которого в борьбе с ненавистным врагом вызывает восхищение всего передового человечества.

Корея, 1950 год

СТРАНА ТРЕХ МОРЕЙ

Далеко на востоке, среди трех морей — Желтого, Восточно-Китайского и Японского, — лежит небольшой полуостров. С севера на юг, точно спинной хребет, тянутся по нему горы, занимающие почти три четверти всей территории. Это Корея. Она невелика, площадь ее равняется всего лишь 220 740 квадратным километрам.

Если сесть на самолет и проделать путешествие из края в край этой маленькой страны, то глазам представится удивительный ландшафт, красочный и разнообразный, как, пожалуй, нигде в мире.

Здесь насчитывается более трех с половиной тысяч видов деревьев, кустарников и других растений. Расстояние от севера до юга Кореи примерно такое, как от Москвы до Воронежа, разница же во флоре, фауне и климате почти такая же, как от Москвы до Сочи.

Северная часть страны покрыта горами, заросшими густыми таежными лесами. На юге субтропическая растительность. Здесь можно увидеть пышную крону редкого камфарного дерева, рощи мандаринов, апельсинов, лимонов.

В Корее пейзаж меняется, как в волшебном фонаре: суровая тайга и плантации цитрусовых, могучие дубы и нежные фисташковые деревья, кедры и тропические лианы, бурные речки и тихие озера, неприступные горы и пологие низменности.

Своеобразен и капризен в этой стране климат, который зависит от неровного дыхания муссонных ветров. Нередко в середине зимы, когда морозы на севере доходят до тридцати градусов ниже нуля, вдруг начинают дуть теплые ветры. Сразу тает снег, которого, впрочем, вообще выпадает мало, и наступает подобие весны.

Половина лета в Корее пасмурна и дождлива. Июль насчитывает не более трех ясных дней. С середины июля идут беспрерывные теплые дожди, которые называются сливовыми дождями, потому что в это время в Корее созревают огромные матово-черные сливы.

С конца июля стоит жара, доходящая до пятидесяти градусов выше нуля, причем в это время года почти нет разницы в температуре между севером и югом. В ноябре начинаются первые утренние заморозки, а в декабре выпадает снег к наступает зима.

Маленькая гористая страна таит в своих недрах огромные богатства. Здесь добываются золото, серебро, вольфрам, алюминиевое сырье, разные другие цветные и редкие металлы и каменный уголь.

Всего в Корее разведано двести видов полезных минералов и руд.

Стремительные горные реки — богатейший источник электроэнергии.

Теплый, влажный климат способствует плодородию полей. На юге страны в течение одного года снимают два урожая. В Корее возделываются рис, ячмень, пшеница, овес, кукуруза, чумиза, гаолян (маньчжурское просо), бобы, сладкий картофель, китайская капуста, лечебный корень женьшень — корень жизни, как называют его на Востоке, считая, что он исцеляет от всех болезней; технические культуры — хлопчатник, кунжут, табак, рами — китайская крапива, индигоносные растения, дающие природные красители.

По всей стране раскинулись большие сады. Сбор фруктов настолько обилен, что яблок, например, даже в Северной Корее с избытком хватает до следующего урожая.

Богата и плодородна Корея — страна героического народа, который на протяжении многих веков мужественно сражался за свою свободу и независимость.

*** * ***

На берегу стремительной реки Тэдонган, что течет около города Пхеньяна, возвышается огромный серый камень. Он очень стар, покрыт мхом и почти врос в землю.

Как много мог бы рассказать этот камень, немой свидетель истории!

Неподалеку от камня находится древний храм. Он был построен в честь легендарного полководца Ыльти Мундэка, около полутора тысяч лет тому назад разгромившего тридцатитысячную армию иноземных захватчиков, напавших на Корею.

У Ыльти Мундэка было мало воинов, но замечательный полководец победил врага военной хитростью: чужеземцам была устроена ловушка.

Ыльти Мундэк знал, что во время морских приливов между устьями двух рек — Тэдонган и Чхончхонган — внезапно поднимается вода.

И вот на гористом, защищенном кустарником берегу Ыльти Мундэк умело расположил своих воинов. Когда враги, не ожидая засады, начали переправляться, корейцы бросились на них, а неожиданный натиск бурно прибывающей воды затопил плоты, лодки и снаряжение захватчиков и вызвал смятение в их рядах.

Враг был разбит и изгнан из пределов Кореи, и на месте победы народ воздвиг этот храм, сохранившийся до наших дней.

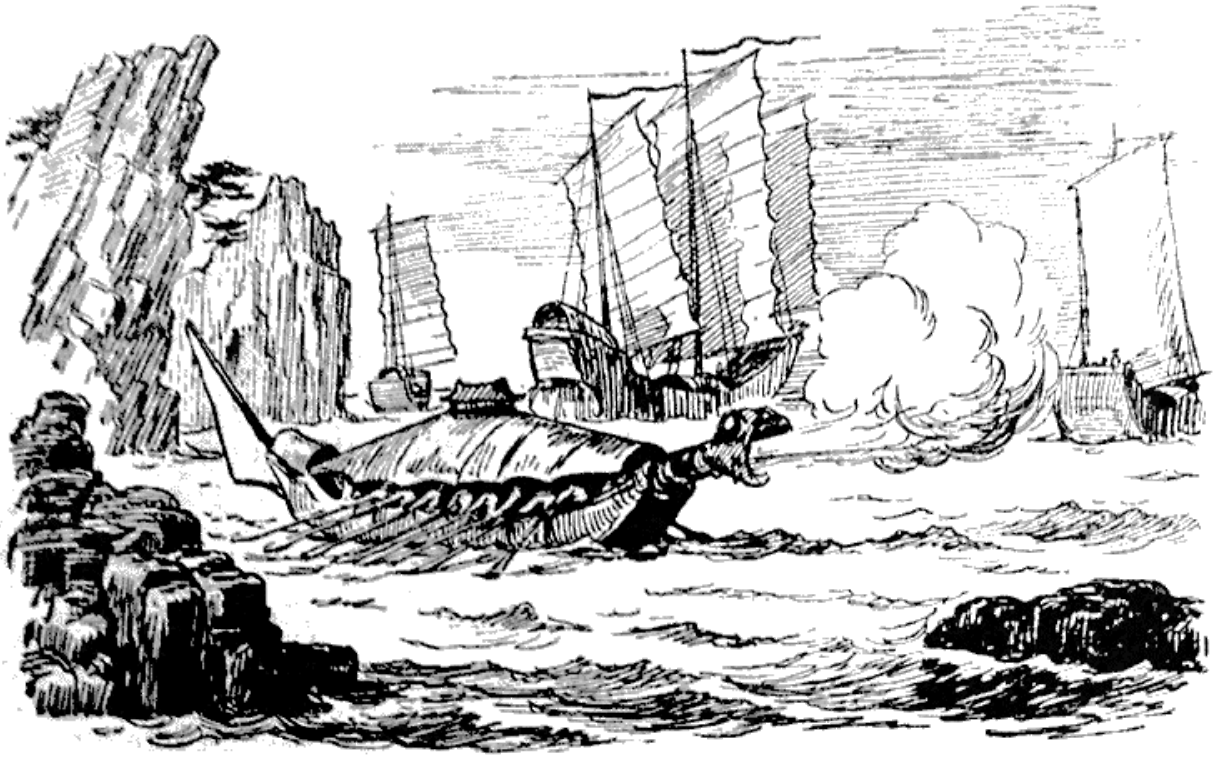
В 1592–1598 годах Корея подверглась опустошительному нападению японцев. Потоками крови залили они мирную страну. В древней столице Японии, Киото, сохранился страшный памятник — «могила ушей». Японские варвары в течение шести лет безуспешно стремились покорить корейский народ. Они зверски расправлялись с корейцами. У тридцати тысяч пленных и убитых японцы отрезали уши и носы и отправила эти чудовищные «трофеи» в Киото. Но и подобными зверствами они не могли подчинить себе Корею.

Тогда японцы попытались взять Корею с моря.

Талантливый корейский флотоводец Ли Сум Син, занимавший в момент вторжения японцев пост командующего флотом провинции Чолла, сообщил своему правительству, что он изобрел и построил военный корабль невиданного типа. Корабль этот резко отличался от

обычных парусных джонок. Он был построен из крепкого дерева — железной березы — и имел форму черепахи, в голове которой помещалась труба.

Ли Сун Сину разрешили испробовать его изобретение в бою. Когда бронированная черепаха, извергая пламя, ринулась на врага, среди японцев началась паника. Морской бой, длившийся несколько дней, был выигран.



В одном из последних сражений Ли Сун Син был смертельно ранен отравленной вражеской стрелой. Умирая на руках своих воинов, он сказал: «Защищайте родную землю до последней капли крови…»

С того времени почти двести лет японцы не решались тревожить Страну Утренней Свежести.

Правители Корейского королевства, стремясь оградить свою землю от нападения, издали законы, запрещающие корейцам сноситься с иностранными державами. В одном из этих законов так и написано: «Под страхом смертной казни запрещается торговать или поддерживать какие-либо иные сношения с иноземными государствами». Тех, кто не подчинялся этому закону, обезглавливали, четвертовали. Не случайно иностранцы, писавшие о Корее, называли ее «страной закрытых дверей», «страной-отшельницей».

Но вот осенью 1866 года к Пхеньяну подошло американское судно «Генерал Шерман». Американцы выдавали себя за купцов, но они были вооружены до зубов и едва успели сойти на берег, как затеяли кровавую драку с жителями. Корейцы арестовали бандитов. Тогда капитан парохода вызвал вооруженную команду, освободил арестованных и взял в плен корейских офицеров.

Завязался бой, во время которого корейцы, возмущенные наглым поведением американских «купцов», сожгли корабль и перебили его команду. Цепи с корабля «Генерал Шерман» и якорь с названием судна до недавних дней хранились в Пхеньянском музее, разрушенном сейчас потомками американских бандитов.

В 1871 году американцы послали в Корею целую эскадру под командованием контр-адмирала Роджерса. Эскадра, как заявили американцы, имела своей целью «научные наблюдения» в корейских реках. Американцы потребовали расчистить водные подходы к Сеулу, чтобы их флот мог беспрепятственно подойти к столице.

Но корейцы поняли хитрый маневр наглецов. Береговая артиллерия не позволила приблизиться американским судам. Тогда Роджерс высадил крупный десант, перебил мужественно сопротивлявшихся защитников фортов, сжег прибрежные селения. В глубь страны американцы, однако, итти не решились и, пробыв в Корее около двух недель, отбыли восвояси.

Новая попытка «открыть двери» в Корею была предпринята в апреле 1875 года, когда в корейские прибрежные воды вошли три японских корабля. Береговая артиллерия дала предупредительные выстрелы. Японцы открыли сильный огонь, захватили береговую артиллерию, уничтожили ее и высадились на корейской земле.

В январе следующего года уже пять японских транспортов, на которых было множество солдат, вторглись в залив Канхва. Испугавшись угроз и провокаций, король Кореи подписал первый кабальный договор с Японией. Все статьи этого договора были направлены на подрыв самых основ государственной власти в Корее.

Подписание позорного договора проходило втайне от народа. Но корейские патриоты — рабочие типографии «Столичной газеты» в Сеуле — ночью напечатали несколько десятков тысяч экземпляров газеты с текстом договора и распространили их по всей стране. Передовая статья газеты называлась «Оплакиваемый день».

Предательство короля вызвало в стране волнения. Поднялись крестьяне, городские жители, студенчество. У серого камня на берегу Тэдонгана в те дни происходили горячие митинги.

Отряды народных добровольцев готовились итти в поход против поработителей.

Корейский народ возмущался действиями японцев, а американцы цинично заявляли: «Весь мир должен поддержать политику Японии: ведь она стремится внедрить справедливое правосудие в отсталом государстве — Корее».

В 1893 году на юге Кореи, где особенно нагло хозяйничали японцы, вспыхнуло восстание крестьян.

Во главе повстанческой армии стоял бедняк Тен Бен Дюн. В прокламации, с которой он обратился к народу, говорилось:

«Мы идем по правильному пути! Наша цель заключается в том, чтобы спасти народ от ужаса и поставить государство на твердую почву. Мы решили казнить всех жестоких чиновников и изгнать всех чужеземных бандитов. Народ, пострадавший от ига дворян и богачей, и писари, оскорбленные чиновниками, имеют одинаковую цель с нами. Все бастуйте в такие минуты! Если будете сидеть сложа руки, то никто вас не спасет!»

Это восстание было жестоко подавлено японскими захватчиками. Славный борец за народное счастье Тен Бен Дюн был казнен в Сеуле.

В 1905 году японцы стали уже полными хозяевами в Корее и в 1910 году официально включили ее в состав своей империи. Так перестало существовать Корейское королевство. Вместо него появилось новое «японское генерал-губернаторство», с японскими законами и порядками. В течение последующих тридцати пяти лет Корея, лишенная самостоятельности, была под игом чужеземных захватчиков.

Наступил 1945 год.

Впервые за всю свою историю в том великом году Корея стала подлинно свободной. Ее освободил великий Советский Союз, могучая армия социалистической державы, армия Сталина.

На берега Тэдонгана пришли люди в зеленых гимнастерках, с красными звездами на пилотках. Они изгнали из Кореи японцев. И корейцы горячо благодарили русских друзей.

Рассказывают, что в те счастливые дни к большому серому камню подошли два мальчугана. У них в руках были острые ножи и баночка с каким-то порошком.

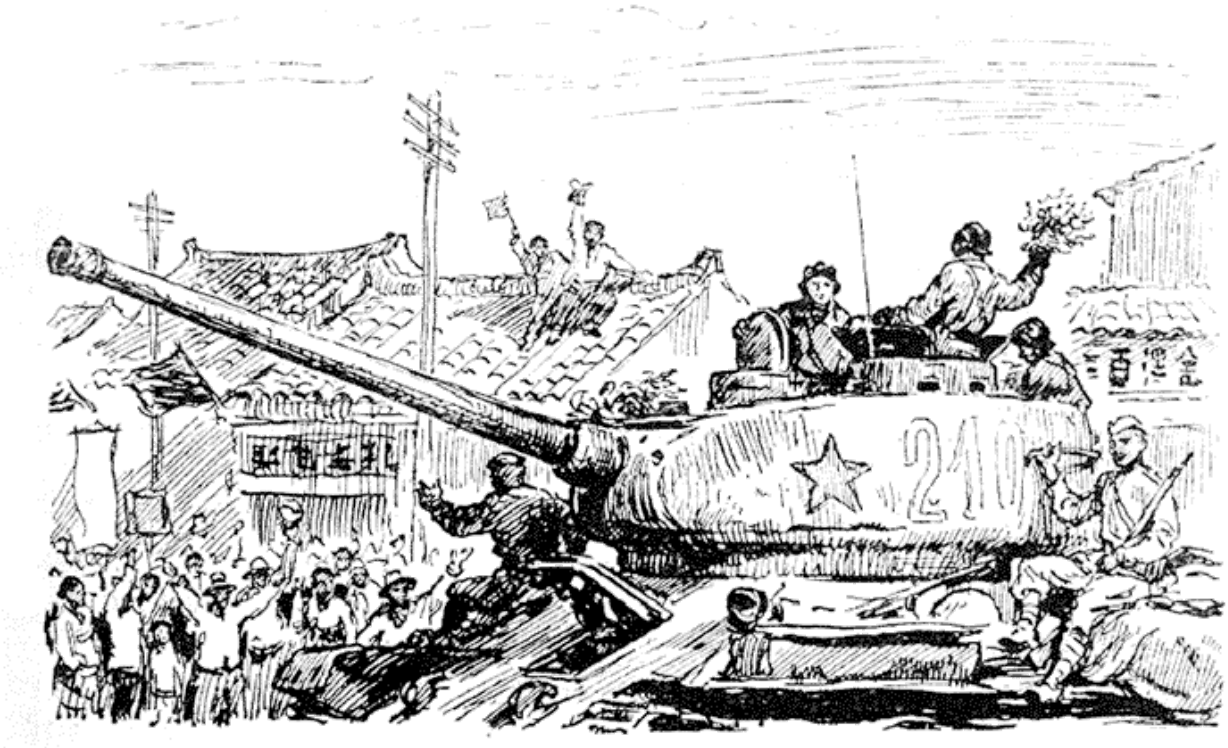
— Ты хорошо придумал, Ким! — весело сказал один из них. — Мы вырежем на камне буквы, натрем их фосфором, и они будут всегда светиться в темноте, как звезды…

Мальчики очистили камень от седого мха и вырезали на нем гордые слова:

«Да здравствует новая, свободная Корея!»

И вечером на древнем камне, как тысячи светлячков, засверкали прекрасные слова, и люди, проходившие мимо, повторяли их громко, от всей души радуясь написанному.

ЦВЕТЫ СТАРОГО ЧУ



У старого Чу никогда не было своего дома. Он жил в пещере, выбитой ветром и выточенной водой на западном склоне сопки. Здесь родился старый Чу, здесь родился его сын — молодой Чу, здесь родился и его внук — маленький Чу.

Молодой Чу работал на железной дороге. Утром он надевал свою единственную белую рубашку, которую жена каждую ночь стирала в ручье, и возвращался поздно вечером, измазанный мазутом, пропахший потом. А маленький Чу нетерпеливо ждал отца, у которого в кармане всегда было несколько поджаренных кукурузных зерен. Как вкусно было жевать эти зерна, забравшись в темный уголок пещеры!..

Однажды молодой Чу не пришел. Вместо него в пещеру ворвались японские полицейские. Они обыскали темное, сырое помещение, вытряхнули на пол жалкий скарб из крохотного, обитого жестью сундучка, жестоко избили старика и ушли, подталкивая впереди себя испуганную, плачущую мать маленького Чу.

Ночью к пещере подошли два незнакомых человека. Маленький Чу, который никак не мог уснуть, сначала испуганно прижался к деду,

но потом успокоился: гости были в таких же потемневших рубашках, какие носил его отец, и пахло от них так же, как от отца: мазутом и паровозным дымом.

Гости погладили по голове маленького Чу и сказали старому Чу:

— Твой сын герой: сегодня он пустил под откос эшелон с японскими солдатами…

— Его арестовали? — медленно спросил старый Чу.

— Пусть маленький Чу наденет одежды из санго, — тихо ответил один из пришельцев. — Сегодня у паровоза его отца расстрелял японский офицер…

Всю ночь дед шил из куска грубой конопляной материи санго шапочку с четырехугольным верхом, широкую рубаху и короткие штанишки. Утром маленький Чу, плача, надел эти траурные одежды, которые целый год должен носить в Корее каждый любящий сын, потерявший отца. Не вернулась больше в пещеру и его мать — тихая, ласковая Ли Сон Пе. Она скончалась в тюрьме, не вынеся мучительных побоев.

Старый Чу был слишком стар и немощен, чтобы заработать себе и внуку хотя бы горсточку гаоляна. Вздыхая, он глядел на внука, который молча сосал веточки лиственницы, запивая их холодной водой из ручья.

Однажды утром старик медленно обошел густой розовый куст, посаженный еще его дедом около старой пещеры, и дотронулся рукой до прохладных, точно лакированных листьев. В те дни, когда в доме не оставалось никакой еды, мать маленького Чу заваривала в большом котле розовые пахучие лепестки, и все пили благоуханную воду и причмокивали от удовольствия.

Старый Чу торопливо вошел в пещеру и долго одевался во все самое лучшее. Он завязал на груди банты своего серого, уже пожелтевшего от старости свадебного халата, расчесал пальцами густую бороду и почистил черную круглую шапочку, какую носят в Корее только те, кому исполнилось шестьдесят лет. Потом он нарвал большой букет роз, взял в руки толстую суковатую палку и, прихрамывая, понес пахучие цветы в город. Он вернулся сияющий, словно помолодевший. В котомке за его спиной лежали зерна чумизы, длинный кочан китайской капусты кимчи и крохотная бутылочка дешевого масла. А в кармане для маленького Чу были припрятаны две прозрачные тягучие конфеты, сделанные из виноградного сока.

Они славно пообедали в этот день. Из кимчи дед сварил на костре суп, прибавив в него сладкую картофелину, найденную на дороге внуком, и пахучую зеленую травку, которая росла вокруг пещеры. А каша из чумизы, с каплей масла, была удивительно вкусна!

Так жили они все лето, срезая розы и делая из них букеты. Правда, продавать розы было нелегко: полицейские гнали и били нищего старика, топтали его нежный товар. Нередко старый Чу возвращался домой без цветов и без продуктов. Но утром он опять рвал розы и опять шел в город. А маленький Чу бродил в своих траурных одеждах возле пещеры и следил за солнцем: когда оно зайдет вон за ту большую сопку, дед вернется и принесет чего-нибудь поесть.

Как-то старый Чу пришел раньше обычного.

— Японцы бегут, — сказал он внуку. — Их прогнали из нашей страны русские. Помнишь, отец рассказывал тебе о русских…

Да, маленький Чу хорошо помнил, как отец говорил ему, что где-то далеко за морем есть такая страна, где все дети едят и рис, и мясо, и конфеты… «Каждый день?..» спрашивал тогда с удивлением маленький Чу.

Ведь за семь лет своей жизни он ел мясо два раза: когда умерла бабушка и был устроен поминальный обед, и второй раз, когда мать собрала две корзины грибов и снесла их лавочнику и он вместо денег дал ей жилистый кусок воловьего мяса. Суп из этого мяса семья ела три дня подряд, по капельке, боясь расплескать хоть чуточку. А отец все говорил про замечательную страну, где нет угнетателей, где у каждого рабочего есть свой дом, и теплые мягкие одеяла, и радио, такое же, как у толстого лавочника Ким Ды Гена.

«Там живет наш большой друг, — говорил отец. — Он хочет, чтобы каждый ел мясо и рис, чтобы у каждого была хорошая рубашка и новая обувь. Он выгнал из своей страны всех богатых и отдал их богатства таким, как мы с тобой. Великого человека зовут Сталин. Запомни, сынок, это имя — оно принесет тебе счастье».

— Это Сталин идет к нам в гости? — спросил теперь маленький Чу.

— Да, я думаю, он послал вперед своих сыновей, а потом, наверное, придет и сам, — ответил мальчику старый Чу.

Ночью они проснулись от громких выстрелов. Внизу, под горой, шел бой. Они видели, как горели японские казармы, и слышали громкое «ура».

Утром старик и внук спустились с горы. Город был какой-то особенный — нарядный, праздничный. Всюду — в окнах домов, над лавками — появились яркие флаги и бумажные венки. На улицах шли люди в зеленых гимнастерках, и на фуражках у них горели алые звездочки. У старого Чу девушки раскупили сразу все розы, и только одну, самую яркую, маленький Чу крепко сжимал в руке.

На повороте показались русские танки. Ликующая толпа преградила им путь, и они остановились. Танкисты, став во весь рост, весело здоровались с жителями городка. Чу пробрался к самым танкам и протянул командиру, высокому голубоглазому человеку, свою последнюю розу, на которой еще дрожали росинки.

Танкист засмеялся, подхватил маленького Чу на руки, высоко поднял над головой. И тогда Чу звонко выкрикнул то слово, которому научил его отец:

— СТАЛИН! СТАЛИН!

И танкисты захлопали в ладоши и стали передавать маленького Чу из рук в руки. В карманы его штанишек они совали сухари, конфеты и яблоки. Прошло немало времени, пока счастливый, раскрасневшийся Чу снова стоял рядом с дедом, крепко держась за его жилистую руку.

Танкисты торопились вслед за убегающим врагом. Но они обещали вернуться в городок вечером на отдых.

Маленький Чу ждал их весь день. И они вернулись, но среди них уже не было молодого голубоглазого командира: он пал в бою.

На следующий день командира хоронили. Друзья молча несли перед его гробом подушечку, на которой сняли две красные гордые звезды.

Маленький Чу, плача, шел за гробом в толпе горожан. Путь к кладбищу лежал мимо их горы, и он не заметил, как дед отстал и почти бегом поднялся к пещере.

Когда гроб опустили в яму и засыпали землей, танкисты подняли вверх автоматы, и прощальный салют гулким эхом отозвался в горах. В эту минуту к могиле пробрался старый Чу. Он еле шел, по его спине струился пот, а лицо было бледно. За его спиной была какая-то огромная поклажа, заботливо увязанная в цыновки. Все молча расступились перед стариком, а он лихорадочно развязывал веревки, высвобождая свой груз. И когда упала последняя цыновка, все увидели чудесный розовый куст, выкопанный с корнями. Старик опустился на колени, руками вырыл яму посредине свежей могилы, посадил розовый

куст и полил его водой из тыквенной бутыли, захваченной в пещере. Потом он поднялся и, взяв за руку маленького внука, сказал просто:

— Это все, что у нас есть. Мы дарим это нашему другу…

…Весной, летом, осенью на могиле танкиста стелется ковер душистых цветов. Это или розы, или гладиолусы, или астры, или бессмертники. Каждый день после занятий маленький Чу, который уже очень вырос, одетый в форменную одежду гимназиста, вместе со своими одноклассниками приходит к могиле. Дети обрезают засохшие веточки у розового куста, который растет посредине могилы, поливают цветы. Они обнесли холм живой изгородью из дикого винограда и устроили вокруг скамеечки.

А на горе возле пещеры старый Чу нетерпеливо поджидает внука. В пещере сложены дрова и уголь, стоят новенькие глиняные кувшины вышиною в человеческий рост, с засоленной кимчой и черной жидкой соей, без которой невозможно приготовить настоящий корейский обед.

Рядом со старой пещерой примостился маленький домик. Он совсем маленький, в нем всего две комнатки и кухонька, но деду и внуку больше не надо. Этот домик построила народная власть в знак уважения к памяти погибшего героя — молодого машиниста Чу.

Старый Чу получил работу по своим силам: он сторож в той самой школе, где учится его внук, в школе, разместившейся в доме бежавшего лавочника Ким Ды Гена. Старика очень уважают ученики, да и учителя нередко заходят в маленький домик, чтобы потолковать с ним.

На самом видном месте в домике висит портрет человека, о котором старый Чу говорит так:

— Это он прогнал из нашей страны японцев, которые убили моего сына. Это по его совету жизнь у нас стала светлой и старый Чу в праздничном халате отдыхает в своем новом доме…

Он заботливо поправляет приколотые к портрету цветы и старательно выговаривает единственное русское слово, которое знает:

— СТАЛИН!

МАЛЬЧИК С ОГНЕННОГО ПОЛЯ

Гора Четырех Драконов высится над равниной. Вернее, это не одна гора, а целые четыре скалистые гряды. В сумерки их верхушки кажутся разинутой драконьей пастью.

Взобравшись на горное плато, маленький Ким любит, лежа на животе, следить, как внезапно падает за гору раскрасневшееся за день солнце.

Отец говорил Киму, что там, за горой, есть маленькая норка, куда солнце забирается на ночь. А вместо себя солнце выпускает свою младшую сестру — луну, которая всегда бледна, потому что не видит дневного света.

Отец рассказывал:

Когда-то, очень-очень давно, Солнце и Луна вместе ходили по небу. Но вот гордое, яркое Солнце полюбило могучего богатыря — гору Пяктусан, что из-под самых облаков смотрится в быстрые воды реки Туманган. Солнце грело зеленые кудри лесов Пяктусана и улыбалось ему с высоты. Но Пяктусану полюбилась сестра Солнца — тихая, кроткая Луна, которая серебрит воды Тумангана легким, призрачным

светом. Пяктусан зажигал для нее в рощах, зеленых, как стебли молодого риса, светлячков и приказывал лесным озерам отражать ее ласковое сиянье. Тогда разгневанное Солнце заперло кроткую сестру. И с тех пор они уже никогда не гуляют вместе по небу. Только когда засыпает Пяктусан, ревнивое Солнце выпускает на волю бледную сестру…

Гора Четырех Драконов была родным домом Кима. По ее ущельям, укромным полянкам круглый год бродила их семья хваденминов — людей огненных полей. У них не было постоянного жилья. Летом отец, мать, Ким и его три сестренки спали где-нибудь на куче сухих листьев под тенистым деревом. Они ели ягоды, грибы, ловили рыбу в быстрых горных ручьях, собирали съедобные ракушки и пахучие травы.

На зиму отец мастерил из сучьев шалаш, собирал большие плоские камни, нанесенные горными реками, и складывал из них, как из кирпичей, широкую печь — кан, — которая заменяла в шалаше пол. Всю зиму в кане поддерживался огонь, и семья никуда не выходила, отлеживаясь на теплом полу. Ели раз в день по нескольку штук сладкого картофеля — когуми — с огненного поля.

Каждую весну отец вместе с Кимом бродил по горе, выискивая новое местечко для своего огненного поля. Они выбирали небольшую, запрятанную далеко меж горных гряд полянку, выжигали на ней травы и кустарник, корчевали пни, потом рыхлили податливую, мягкую землю маленькой мотыгой и сажали сладкие картофелины, заботливо сбереженные матерью до весны. Летом они пололи свое необыкновенное поле, осенью засыпали его толстым слоем земли, чтобы когуми не замерз. Зимой они рылись на этом поле, как кроты, ежедневно собирая по нескольку десятков картофелин, чтобы наполнить пустой желудок.

Иногда в семье начиналось смятение. Отец хватал за руки старших дочерей, мать торопливо привязывала одеялом к спине младшую, и все прятались в одной из самых отдаленных пещер. В такие дни нельзя было зажигать огня, чтобы испечь когуми, и дети жадно грызли сырой, холодный картофель. Отец стоял у входа в пещеру, бледный, взволнованный, и ежеминутно повторял:

— Тише! Они найдут нас!

— От кого мы прячемся, абоди?[1] — осмелился однажды спросить Ким.

— От японских полицейских, сынок, — шепнул отец. — Если они увидят наше поле, они посадят меня в тюрьму, и вы все умрете с голоду…

— А разве нельзя сажать когуми? — боязливо спросил Ким.

И отец, прижимая к себе сына, тихо объяснил ему, что японцы запрещают выжигать травы и обрабатывать горные поля.

— А разве бывают другие поля? — изумлялся Ким, который ни разу в жизни не спускался в равнину.

Отец грустно улыбался и замолкал. Он сам родился здесь, на горе Четырех Драконов, и был внизу всего три-четыре раза. Сюда, в непроходимые горные чащи, много-много лет тому назад убежал с равнины молодой крестьянин, дед Кима. Он задолжал помещику за орошение арендуемого крохотного клочка земли и за семена, потому что в тот год была страшная засуха и он собрал меньше, чем посеял. Помещик прислал к нему в землянку полицейских, и они вытащили из сундука единственное сатиновое одеяло — приданое молодой жены, сняли с полки медную посуду и поймали двух старых куриц. Все это пошло в уплату долга помещику, но оставалось уплатить еще в десять раз больше, и полицейские предупредили:

— Если в день полнолуния ты не внесешь долг, мы посадим тебя в тюрьму…

Но дед Кима не стал дожидаться дня полнолуния. Той же ночью он завязал в цыновку чугун, мотыгу и мешочек утаенного от чужого глаза сладкого картофеля. Потом он взял за руку жену и ушел в горы.

Так делали тысячи разорившихся бедняков, так сделал и он, потому что впереди его ждала только сырая, грязная тюрьма.

Всю ночь дед Кима и его жена пробирались по узким горным тропинкам, до крови сбивая ноги об острые камни. А под утро в маленькой пещере, на постели из прошлогодних трав и мягкой хвои, родился отец Кима. Днем дед Кима облюбовал маленькую полянку и выжег на ней огненное поле. Так началась жизнь новой семьи хваденминов на горе Четырех Драконов.

Дед Кима прятался от людей и учил этому подрастающего сына. Он знал, что здесь, в горах, бродят такие же семьи бедняков с огненных полей, но он боялся с ними встречаться. Несколько раз в году он спускался в равнину, чтобы купить немного черной жидкой сои в обмен на связку сушеных грибов. Дед Кима, его сын и внук носили грубые одежды из дикой конопли, которая росла в горах. Эту суровую ткань

день и ночь пряли женщины. Зимой хваденмины надевали на ноги лапти, сплетенные из камыша.

— Хваденмины — самые бедные люди на земле, — часто говорила мать Кима и вздыхала, гладя потрескавшимися от постоянного прядения пальцами жесткие, прямые волосы сына.

Однажды поздней осенью, когда плоды сладкого картофеля уже почти созрели, на тропинке, ведущей к шалашу, показалось двое людей. Отец побледнел и выронил из рук самодельный каменный топорик, которым он рубил сучья для кана. Мать, тихо охнув, обняла прижавшихся к ней девочек и испуганно следила за тем, как приближаются чужие люди.

— Анльен-хасимника? Спокойно ли вы поживаете? — приветливо поздоровались пришельцы.

Они уселись на траве и стали говорить о том, что в лесу этим летом много грибов и ягод.

Один из них взял за руку маленькую Син Нэ:

— Ей три года? Невеста для моего сына. Ему скоро пять. Красивая будет невеста!

Потом он вынул из кармана толстую рисовую лепешку и поделил ее поровну между детьми. И мать Кима почувствовала, как уходит недоверие к этим простым, приветливым людям.

Поборов робость, отец пригласил гостей отведать сушеной плотвы. Старшая сестренка Кима принесла деревянную, вырезанную отцом тарелку, наполненную сладкими ягодами шелковицы, которые сегодня утром нарвал Ким, и тыквенную бутыль с ледяной водой из горного ручья. Гости отведали угощения и, в свою очередь, развязали заплечные мешки с дорожными припасами. Ким с удивлением и восторгом глядел на невиданные яства. Тут были куски вареной свинины с розоватым сладким жиром, коробочки с белым рисом, приправленным какими-то необыкновенно вкусными красными корешками и маленькими жареными рыбками, пышные кукурузные лепешки и желтые мучнистые колбаски из виноградного сока, которые просто таяли во рту.

Отец не расспрашивал нежданных гостей, зачем они забрались так далеко в горы: ведь очень невежливо задавать подобные вопросы гостям. Но когда закончился ужин и глаза ребятишек стали слипаться, гости закурили с отцом лесной табак, сделанный из листьев дикой вишни и сухого мха, и заговорили о деле.

— Разве тебе нравится такая жизнь? — спросили они отца и показали на Кима: — Ведь ему пора учиться…

— Мой отец и дед были неграмотными, — осторожно отвечал отец Кима. — В лесу надо уметь читать только следы медведя и голос дикого волка.

— Почему бы тебе не спуститься в равнину? — спросил один из гостей.

Отец покачал головой:

— Я не хочу попасть в тюрьму. Мои дети обойдутся без рисовых лепешек, пока на огненном поле растет когуми.

Гости переглянулись. Потом один из них спросил:

— Когда ты в последний раз спускался в равнину?

— Это было в прошлом году, в июле, — сказал отец. — Сын заболел, и я хотел купить для него немного черной сои, чтобы мочить в ней картофельные клубни. Я поменял корзину лесных ягод на кувшинчик сои, но меня встретил полицейский и спросил, где я живу. Когда я замялся, он ударил меня палкой и разбил кувшин с соей на моей голове. Я еле ушел ел его цепких рук. — Отец помолчал. — Мы решили теперь обходиться без сои. В горах растет много дикого чесноку…

— А ты знаешь, что теперь в Корее нет больше японских полицейских? — спросил молодой черноглазый гость и встал во весь рост. — Их выгнала отсюда русская армия, и в дома бедняков пришло счастье…

И второй гость, седобородый человек, добавил, улыбаясь:

— Ты каждый вечер видишь, как падает солнце, но ты не заметил, как оно взошло над Кореей…

Киму сразу расхотелось спать. Он, свернувшись клубочком в траве, старался не пропустить ни одного слова. Отел обычно такой молчаливый, сейчас задавал вопрос за вопросом, и гости отвечали обстоятельно и подробно.

Потом отец встал, позвал мать, и вдвоем они ушли к маленькому горному ручью. Никто не пошел за ними следом.

Каждый понимал, что в этот вечер решается что-то очень важное. Они вернулись не скоро, и на губах у матери блуждала несмелая улыбка.

— Я сказал ей, что там, внизу, таким, как мы, дают дома и работу и учат наших детей, — сказал отец, обращаясь к седобородому гостю. —

Может быть, я ошибся и неправильно понял твои слова?

— Ты правильно понял их, — ответил старик. — Если люди огненных полей захотят стать крестьянами, в деревнях их ждут дома и семена для первого посева и государственная ссуда, чтобы обзавестись хозяйством. Если они захотят стать рабочими, они на бесплатных курсах могут обучиться любому ремеслу, и им тоже дадут дом, и продукты, и деньги…

Мать Кима молчала, ибо, по корейским обычаям, женщина не должна говорить, когда речь ведут мужчины. Но видно было, что ей хочется спросить что-то, и старый гость, поймав в ее глазах молчаливый вопрос, сказал ласково:

— В новой Корее женщина и мужчина равны. Что ты хочешь спросить, дочь моя?

И мать Кима впервые в жизни села, как равная с равными, рядом с мужчинами у костра и говорила с ними очень долго. Потом молодой гость вынул из дорожного мешка старинный корейский инструмент гаягым и заиграл песню о Ким Ир Сене. Звонко пели струны, и мать, не зная слов, повторяла нежную мелодию.

Ким восхищенно смотрел на мать, на ее порозовевшее в отблесках костра лицо. Ведь в первый раз в жизни он услышал, как она поет!

Всю ночь гости и хозяева просидели у костра, а когда над горой Четырех Драконов встал желтый рассвет, старик сказал:

— Сейчас мы пойдем вниз и к полудню пришлем за вами вола, чтобы он вывез ваши пожитки…

Тогда отец засмеялся:

— У нас ничего нет! Волу нечего будет везти.

Все вместе они спустились с горы, и Ким с удивлением смотрел на деревни, на волов, а когда собака перебежала им дорогу, он испуганно отпрянул, приняв ее за волка.

Молодой гость еще по дороге посоветовал отцу Кима итти работать на шахту.

— Будем вместе рубить уголь, — сказал он весело. — Я сам буду учить тебя.

— А хваденмины могут научиться рубить уголь? — несмело спросил отец.

Шахтер засмеялся:

— Ну конечно! У нас на шахте работает уже двести хваденминов. Трое из них — твои соседи по горе Четырех Драконов — сейчас стали

хорошими мастерами и учат других.

Этот вечер был просто необыкновенным. Вся семья сидела на пороге просторного, чистого дома, пахнущего еще лиственницей. На низком черном столике перед ними стояли чашки с белой густой рисовой кашей, приправленной соей и душистым красным перцем. А в кладовочке возле дома лежало целых два куля риса и кочаны кимчи и висела нанизанная на веревки сушеная рыба ментай, которая ловится только в Японском море.

К ужинавшей семье подошла молодая девушка. Она вежливо поздоровалась со всеми, присела на цыновку и заговорила с Кимом:

— Завтра ты придешь ко мне в школу. Видишь — вон она. — И девушка показала на большой красивый дом в центре поселка.

Новая жизнь началась у Кима. Утром он просыпался чуть свет, боясь опоздать в школу, торопливо завтракал и бежал к красивому дому, где у него были уже свой класс, своя парта и свои друзья. Он быстро научился писать десять гласных и четырнадцать согласных основных знаков, из различных сочетаний которых образованы все слоговые буквы корейского алфавита, и умел уже составлять короткие фразы. Его старшая сестренка, у которой учительница нашла музыкальные способности, уехала заниматься в детскую музыкальную школу в большой старинный город Пхеньян. Двух младших девочек мать каждое утро уносила в ясли, потому что она тоже не захотела сидеть дома и пошла работать в пригородное хозяйство шахты — растить для шахтеров сладкий когуми.

Отец Кима носил теперь брезентовую одежду и к маленькой шапочке прикреплял особую шахтерскую лампочку, в которой горит обыкновенная вода, смешанная с белым блестящим порошком — карбидом.

Он тоже учился в шахтерской вечерней школе, и часто после ужина отец и сын вслух читали газеты.

Однажды в воскресенье Ким решил навестить гору Четырех Драконов, заглянуть в дупло большой шелковицы, где жила старая злая сова, проверить, жив ли еще ворчливый ежик в норке под опрокинутой бурей елью. Он, посвистывая, шел по знакомой лесной тропинке и вдруг остановился. Навстречу двигался мужчина в длинной грубой рубахе, какую еще недавно носил отец; рядом шагала усталая,

сгорбленная женщина с ребенком за спиной. Сзади медленно шел мальчик, совсем такой, как Ким, только полуголый, босой и грязный.

Ким, забыв про ежика и сову, кинулся к нему.

— Вы идете вниз? — спросил он торопливо.

Мальчик кивнул головой. Его глаза с любопытством оглядывали Кима, одетого в нарядную рубашку, синие прочные штаны и новенькие гомусины[2].

— Мы идем на шахту, — с достоинством сказал он. — Мы оставались здесь последними и вот решили спуститься…

— На шахту — это, значит, к нам! — говорил, волнуясь, Ким. — Мы тоже жили здесь, — и он указал вверх, — а теперь я живу в хорошем доме и читаю книжки…

— Я тоже научусь скоро читать, — заносчиво ответил маленький хваденмин и, не оглядываясь, прошел мимо Кима.

Ким долго смотрел ему вслед, а когда семья хваденминов скрылась за поворотом, он взобрался на знакомое горное плато, где так любил когда-то сидеть, и задумчиво посвистел.

Затем он спустился к старой ели и просунул руку в знакомую норку. Сразу же послышалось тихое ворчанье, и через несколько секунд оттуда вылез сердитый, взъерошенный ежик.

Ким осторожно погладил игольчатую спинку и сказал старому лесному другу большую новость:

— Ты знаешь, серенький, на горе Четырех Драконов нет больше хваденминов…

ДОМИК В УЩЕЛЬЕ

Старого Син Тхэ Суна уважали в горной деревушке Летающая Ящерица. Соседи приходили к нему советоваться по разным хозяйственным делам. Он точно знал, что полоть рис надо не раньше чем над горой Семи Сестер встанет круглый лунный шар, он умел пустить кровь заболевшему волу и найти на сопке маленькую тонкую травку, настой которой возвращает здоровье каждому, кто его выпьет.

Он самый первый в деревне платил помещику за землю, за старый плуг, за воду и гордился тем, что никому не должен ни зернышка. Когда в доме не оставалось никакой еды, он уходил в лес с двумя внуками и возвращался на другой день, неся на крепких еще плечах соломенный мешок со съедобными кореньями. Он был честен, старый Син Тхэ Сун, и не хотел, чтобы помещик сказал кому-нибудь, что он не отдал долга.

Поэтому однажды вечером вся деревня в смятении прислушивалась к тому, что делалось в доме старика, куда только что ворвались лисынмановские полицейские во главе с помещичьим сыном, краснорожим широкоплечим Ли Дон Хва. Из дома неслись отчаянные

женские крики, и через отодвинутые бумажные окна и двери летели на землю горшки, кувшины, лоскутные одеяла…

Ли Дон Хва выволок на порог старика Сии Тхэ Суна, на глазах у всех сорвал с него черную волосяную шапочку — почетный головной убор стариков в Корее, — растоптал ее, ударил старика ногой в лицо и удалился, сопровождаемый полицейскими. Старый Сим Тхэ Сун, шатаясь, поднялся на ноги. Лицо его было окровавлено, праздничный халат порван. Возле дома нерешительно собирались соседи. Они молча смотрели на старика. Наконец Син Тхэ Сун сказал дрожащим голосом:

— Вчера, когда я носил долг помещику, я разговаривал с крестьянами деревни Зеленая Гора. Брат одного из них только что прислал письмо с севера. Он пишет, что получил землю, что забыл вкус гаоляна и чумизы и ест только рис, а по праздничным дням его жена печет тог[3] и варит куксу[4]. Я сказал тогда: «Какое великое счастье иметь свою собственную землю! Неужели мы никогда не дождемся этого?» Кто-то услышал мои слова и передал их помещику. И вот видите… — И он обвел глазами вокруг своего дома, где валялись черепки разбитой посуды, клочья одежды и одеял.

Вечером при свете самодельного фитиля, пропитанного рыбьим жиром, старик собрал на семейный совет своих сыновей, дочь, невесток. Они сидели, по корейскому обычаю, на корточках на желтых соломенных цыновках и слушали тихие, неторопливые слова главы семьи. А старый Син Тхэ Сун говорил:

— До сих пор мы жили, как слепые кроты: мы заботились только о том, есть ли зерна в нашей норе. Несчастье, которое приходило в дом соседа, не касалось нас. Сегодня я понял, что так жить нельзя. Я люблю свою родину так же сильно, как всех вас, и потому я говорю вам, дети мои: идите воевать за родину, за то, чтобы она стала свободной и счастливой, за то, чтоб у каждого была своя земля и мешок риса про черный день. Пойдите, найдите смелых людей, которые умеют бороться за счастье всех нас, и возьмите так же, как они, винтовку в руки…

На рассвете старик проводил в горы трех сыновей, которые вместе с женами и семнадцатилетней сестрой отправились искать партизанский отряд.

А еще через день на маленьком домике старика появились крест-накрест прибитые доски. Это означало, что домик опустел. Старик с женой и двумя маленькими внуками той же ночью покинул деревню

Летающая Ящерица и ушел навсегда с того места, где родились его дед, его отец и он сам…

Сыновья старого Син Тхэ Суна нашли партизанский отряд и скоро стали умелыми воинами. Сестренка научилась обращаться с пулеметом, а жены готовили пищу партизанам и чинили одежду. Горевали они только о том, что потеряли след отца. Один крестьянин, недавно пришедший в партизанский отряд из их родной деревни, сообщил, что дом заколочен, а сам Син Тхэ Сун с женой и внуками исчез, и сыновья решили, что вся семья угнана полицейскими и, вероятно, замучена.

Партизанский отряд с каждым днем становился все больше и крепче. Из южных деревень приходили сюда люди, которые не могли больше терпеть нищету, обиды, унижения, люди, которые поняли, что их враги — проклятые американские богачи и предатель Ли Сын Ман со своей шайкой министров и советников, продавший родину заокеанским хозяевам.

Многие из новичков рассказывали, что у них в деревне побывал незнакомый нищий старик. Он бродил со своей котомкой из дома в дом, сбрасывал, как учит обычай, с ног обувь и, присаживаясь на цыновку, долго толковал с хозяевами о том, как они живут. Потом рассказывал о жизни земледельцев на севере и, вздыхая, заканчивал так:

— Есть в горах люди, которые хотят, чтобы и у нас на юге жилось так же, как на севере. Они убивают полицейских, выгоняют помещиков и делят землю между бедняками. Все мы должны помочь этим смелым людям. Пора бросать жалкие лачуги и клочки земли, которая все равно нас не кормит, и итти в партизаны…

Речи старика доходили до злых ушей: лавочники, богатеи доносили полицейским. Но нищий старик исчезал так же незаметно, как появлялся. И почти всегда в ту же ночь исчезали из деревни молодые, крепкие, смелые парни.

Когда наступила зима и партизанам труднее было спускаться с гор за продуктами и одеждой, в отряд стали приходить одна за другой посылки с рисом, сушеной рыбой, сладким картофелем. Их находили висящими на деревьях, их приносили те, кто вновь записывался в отряд. И к каждой посылке была прикреплена записка: «От отца».

Никто не знал имени отважного старика, который самоотверженно и незаметно помогал партизанам, и поэтому его прозвали отцом партизан.

Однажды ночью старик появился в лагере, но никто не видел его, кроме командира. Старик проговорил с командиром в палатке до полуночи и, уходя, дал адрес своего жилья — небольшого домика, прилепившегося у самого края непроходимого ущелья. В этот домик стали приходить связные за разными сведениями, за продуктами, за одеждой.

Как-то утром руководитель партизан созвал всех командиров.

— К полудню надо настрелять дичи, наловить рыбы и собрать ягод, — приказал он.

— Боевое задание? — насмешливо спросил один из партизанских командиров, которого за неугомонный язык прозвали Драконье Жало.

Командир взглянул на него так, что он сразу замолк, и сказал сухо:

— Идите выполняйте задание!

И все разошлись в недоумении, спрашивая себя, что такое случилось с командиром.

К вечеру все принесенное охотниками было уже сварено и испечено. Еще теплым было зажаренное на костре мясо большого дикого кабана, покрытое коричневой аппетитной корочкой. На столе и командирской палатке лежала груда зажаренных куропаток, и вареная рыба была посыпана сверху мелко порубленным диким чесноком. А в ведрах краснели ягоды.

Все это упаковали в соломенные мешки, погрузили на лошадь, и командир вызвал пятьдесят самых смелых партизан, прославившихся в схватках с врагом.

— Сейчас мы пойдем в гости к отцу партизан, которому сегодня исполняется шестьдесят два года, — сказал он. — Мы отпразднуем день его рождения…

Путь лежал по непроходимым тропам, через крутые обрывы. Вот и ущелье и домик, совсем маленький, похожий на ласточкино гнездо. Командир постучал в дверь условным стуком, и на пороге показался старик.

— Отец! — крикнули в один голос три партизана, кинувшись к раскрывшейся двери.

И Син Тхэ Сун крепко обнял своих сыновей, которых четыре года тому назад послал сражаться за родину.

Весело прошел день рождения отца партизан. В домике места для гостей, конечно, нехватило, и пиршество перенесли на лесную поляну,

заросшую пахучими белыми цветами. Вместо вина пили свежую родниковую воду, струившуюся тут же, у корней старой березы.

Как-то в холодный зимний вечер 1950 года Син Тхэ Сун возвращался из отряда, куда относил мешок белой муки и большую тыквенную бутыль самого лучшего кукурузного масла, драгоценного масла, которое жители целой деревни собирали для партизан по капельке.

Он шел и пел обо всем, что видел вокруг.

«Снег, снег, — пел он, — ты лежишь, как пригоршни белого риса, ты холодный, но под тобой тепло, и ты греешь землю, как самое мягкое свадебное одеяло. Вот по тебе пробежала белка, серая белка с красным пушистым хвостом. Она прыгнула на дерево и грызет орех, и коричневые скорлупки падают на снег. Я хотел бы поймать эту белку на воротник моему внучку, но мои старые глаза плохо видят…»

Он шел и пел и не замечал, что среди кустов за ним крадутся трое. Они схватили его у самого домика и тут же, на снегу, учинили допрос.

— Мы давно охотимся за тобой, — сказал старший полицейский. — Ты, старый пес, носишь бунтовщикам рис и сеешь смуту в деревнях. Тебя надо повесить. Но ты можешь спастись, если назовешь нам место, где скрываются партизаны.

Син Тхэ Сун ответил, улыбаясь:

— Сколько в горе камней — столько тайных троп у партизан, сколько в земле песку — столько у них друзей, готовых укрыть их. Как же могу я, бедный старик, знать, где живут партизаны?

Палачи били его, сломали ему руку, бедро. Тогда он крикнул, преодолевая нестерпимую боль:

— Недолго осталось властвовать палачу Ли Сын Ману! Это говорю я, отец партизан и член трудовой партии…

Полицейские переломали ему ноги, оторвали ухо, но он закрыл глаза и молчал. Когда они привязали его к дереву и подняли вверх автоматы, готовясь пустить огненную очередь, Син Тхэ Сун, собрав последние силы, крикнул:

— Партизаны! Смелые сыны! Продолжайте бороться, и вы победите!

Вместе с бойцами Народной армии партизаны освободили в августе 1950 года район, где жил и умер, как герой, Син Тхэ Сун.

И на том месте, где в ущелье стоял домик, сожженный полицейскими, партизаны прибили к старой ели доску, на которой выжгли простые слова:

«Здесь спит отец партизан Син Тхэ Сун»…

МАНСУ МУГАН!

Три старика медленно шли по лесу. Они пристально вглядывались в деревья, осматривали каждую ямку по дороге и, посоветовавшись, опять шли вперед, по каким-то неуловимым признакам находя правильный путь.

Наконец они дошли до лесной полянки, по которой бежал светлый ручеек, и самый старший из них сказал торжественно:

— Здесь…

Все трое молча смотрели на старый гнилой пень, заросший мхом. Один из стариков стал на колени и проворно начал раскапывать землю вокруг пня. Он вырывал траву и отбрасывал в сторону гнилушки. Наконец он вытащил что-то из земли и подошел к своим друзьям, которые молча ждали. На ладони старика лежал огромный причудливый корень, похожий на маленького человечка. Внизу корень раздваивался, и казалось, что у него выросли две человеческие ноги; утолщение наверху напоминало голову, а боковые корешки висели, как руки.

— Женьшень, корень жизни, — сказал тот, кто вынул его из земли.

И все трое один за другим коснулись губами священного растения. Потом корень завернули в шелковую тряпицу, спрятанную в котомке одного из стариков, старший положил драгоценный сверток за пазуху, и все тронулись в обратный путь…

Три старика, когда они еще были молодыми парнями, страстно мечтали найти корень жизни, чтобы разбогатеть, построить хорошие дома и жить дружной семьей. Но молодость уходила, а счастье все не давалось в руки. И вот все трое так и остались бобылями. Ни у кого из них не было ни своей земли, ни своего дома, и они работали на помещика и жили впроголодь в землянке, которую вырыли в горе. Они растили рис, но не ели его сами, а продавали, чтобы купить на эти деньги гаолян, который втрое дешевле риса. Но и гаоляна нехватало, и они по очереди отправлялись в лес, чтобы накопать съедобных кореньев, или уходили на речку и добывали там ракушки.

И вдруг восемь лет назад один из них нашел в лесу маленький корень женьшеня. Всю ночь просидели друзья возле неожиданной находки. Они смастерили тайник для корня и решили выращивать его восемь лет, чтобы корень вошел в силу, стал целебным, принес им много денег и обеспечил счастливую, сытую старость.

За годы, пока они растили свой корень, произошло множество всяких событий. Русские воины прогнали японцев и освободили Корею. На севере началась такая счастливая жизнь, о которой нельзя было даже и мечтать. Но на юг пришли американцы, и ничто не изменилось. Только вместо японских жандармов приходили лисынмановские полицейские в сопровождении американского солдата и отбирали у бедняков за долги последний мешок риса.

Южане жадно ловили новости с севера. Молодежь тайными тропами пробиралась по ту сторону 38-й параллели и не возвращалась обратно. Юноши и девушки оставались учиться в университетах, техникумах, поступали на заводы и фабрики.

Три старика однажды тоже решили перейти на ту сторону, но у самой границы их встретили полицейские, жестоко избили, и, окровавленные, они вернулись домой.

Один из стариков немного умел читать. Он доставал потихоньку подпольные газеты и ночью читал их своим друзьям при свете самодельного светильника, в котором горел рыбий жир. Они вырезали из газеты портрет Сталина и спрятали этот портрет в углу своей землянки.

Правда, драгоценное изображение так не было видно, но каждый знал, что в любую минуту он может достать спрятанное и взглянуть на лицо человека, который приносит счастье в каждый дом.

Недавно в деревушку пришел молодой паренек из партизанского отряда. Ночью он собрал в лесу жителей и рассказал важные новости.

— Скоро Сталину будет семьдесят лет, — сказал он взволнованно. — Все люди на земле — и русские, и китайцы, и негры, и индусы — готовят ему подарки и пишут приветственные письма. Каждый хочет поздравить его и сказать ему: «Мансу муган!»

И все закричали:

— Мансу муган Сталин! Мансу муган! — что значит по-корейски: Десять тысяч лет жизни!

Потом паренек прочитал письмо, написанное Сталину от имени корейского народа, и все поставили на белом листке свои подписи, а неграмотные, которых было большинство, обмакнули пальцы в черную тушь и приложили эту собственную печать к прекрасному документу.

Три старика тоже поставили свои подписи и потом позвали паренька в свою землянку. Они ни о чем не говорили друг с другом, но каждый без слов понимал мысли двух остальных — так тесно сдружились они между собой.

— Мы хотим сделать подарок Сталину, — сказал торжественно один из стариков и посмотрел на своих друзей, которые молча кивнули головой. — Мы много лет растим корень жизни. И сейчас от имени всех жителей юга мы пошлем его тому, кто указывает всем нам путь к счастливой жизни на земле…

Паренек крепко пожал руки старикам.

— Это будет замечательно! — сказал он. — Мы расскажем об этом всем…

Скоро в подпольной газете появилась статья о трех стариках, которые готовят дорогой подарок Сталину от имени всех жителей юга. Там не были, конечно, названы их фамилии, потому что иначе стариков повесили бы лисынмановские полицейские, но три друга знали, про кого написана статья, и спрятали газету там же, где хранился портрет товарища Сталина.

Потом паренек вторично появился в землянке и сказал, в какой именно день следует принести подарок на север.

И вот самый старый из трех друзей отправился в опасный путь. Он шел ночью, через реку, по горло в воде, потом почти бежал по узкой

горной тропе, а сзади неслись выстрелы, потому что его заметили часовые и открыли стрельбу. Пуля, попавшая в ногу, к счастью, не задела кости, и он, оторвав рукав рубахи и наскоро перевязав рану, хромая, шел все вперед и вперед.

Наконец он перешел границу и пришел в первый северный город. Он проходил по деревням и видел плодородные поля и новые дома и сытых, веселых людей.

В Пхеньяне он попросил, чтобы ему показали другие подарки, которые корейцы посылают своему великому другу.

Он придирчиво осмотрел трубку из самого крепкого дерева на свете — железной березы, но не нашел в ней никаких изъянов. Это была чудесная трубка, сделанная из корня той огромной березы, под которой отдыхали в 1945 году партизаны Ким Ир Сена после жестокого боя с японцами, из которого они вышли победителями. Он по-хозяйски попробовал прочность шелка, из которого руками женщин были сшиты национальные одежды для Сталина. Но самой замечательной была хваро — серебряная чаша для горящего угля, чаша, от которой зажигаются длинные корейские трубки. На восьмигранных стенках серебряной хваро были изображения зверей, птиц, растений, символизирующих бессмертие. И всюду были выведены крохотными буквами слова привета: «Мансу муган!»

Старик обязательно захотел повидать тех одиннадцать чеканщиков, которые сделали такую прекрасную чашу. Его привели к ним, и он испытующе сказал самому главному из мастеров:

— Вы сделали дорогую, красивую вещь. Вы, наверное, получите за свою работу много денег…

Тогда чеканщик засмеялся и обнял старика:

— А сколько денег ты хочешь получить за свой подарок?

И старик тоже засмеялся, потому что он понял, что напрасно испытывал чеканщиков.

Потом он сказал торжественно:

— Когда делаешь подарок отцу и брату, разве требуешь за него деньги? Мы сделали подарок отцу и брату, и самая лучшая плата — это то, что глаза Сталина увидят нашу хваро, а руки Сталина зажгут от нее свою трубку…

И все чеканщики закричали: «Мансу муган!», а потом каждый нарисовал на бумажке то, что он изобразил на хваро. Эти рисунки старик спрятал и тронулся в обратный путь, чтобы поскорее рассказать

там, на юге, обо всех подарках, какие шлет корейский народ своему самому большому другу.

ВЫСТРЕЛЫ НА ГРАНИЦЕ

Мать с отцом с вечера уехали в соседнюю деревню, к бабке. Она была старая и больная, и надо было помочь ей прополоть рисовую рассаду на большом поле.

Бабка не хотела переезжать из старой хижины в новый дом к сыну.

— Я не хочу уходить от своей земли, сынок, — говорила она. — Я каждое утро выхожу в поле, трогаю землю, вдыхаю ее запах. Это моя земля. Мне дал ее Ким Ир Сен. Как же я могу бросить ее?..

Мать, уезжая, дала своей дочке Гю Иль несколько торопливых наказов:

— Свари рис вон в том большом чугуне. Воды налей чуть-чуть, чтобы рисовые зерна не варились, а парились. Тогда они разбухнут, и каша будет пышной и белой. Из голубого кувшина достанешь кимчи себе на завтрак. Не бросай братишку одного в доме. Привяжи его одеялом к спине и погуляй с ним. А курам кинешь кукурузных зерен. И

смотри, чтоб они не лазили на огород, иначе они выкопают весь чеснок…

Ночь прошла спокойно, но под утро, когда закричал большой белый петух, произошло что-то страшное. Все кругом загрохотало, и Гю Иль, вскочив с цыновки, кинулась к заплакавшему брату. Дрожащими руками она посадила его к себе на спину, крепко притянула одеялом, которое завязала на груди большим узлом, и выбежала на улицу.

Там творилось что-то невероятное. Бегали и кричали люди, мычали быки. На горе пылал дом старого кузнеца Ли Дон Хва, а он сам лежал на дороге в какой-то странной, неестественной позе. Мимо пробежал соседний мальчик, Лим Хва. Гю Иль дружила с ним и жалела его, потому что его мать пять лет тому назад умерла от холеры. Увидев дрожащую, испуганную Гю Иль, он остановился:

— Где твои? Там? — и махнул рукой по направлению деревни Болотная Вода.

Гю Иль молча кивнула головой. Тогда он схватил ее за руку:

— Пойдем! Мой отец тоже там. Они поехали вместе, а там, говорят, все горит. Сегодня на рассвете на нас напали…

Гю Иль послушно пошла за своим другом. Все кружилось перед ее глазами, и она только крепче прижимала к себе теплые ножки маленького брата, который плакал за ее спиной.

Дети поровнялись с лежащим Ли Дон Хва, и Гю Иль с ужасом взглянула на его бледное, искаженное лицо, на котором застыла струйка крови.

— Не смотри туда, — сказал поспешно Лим Хва. — Его убило осколком, когда он выбежал из своего дома…

Путь к деревне Болотная Вода лежал через рисовые поля, и дети почти бежали по топкой, илистой почве, выбирая самую короткую дорогу. На повороте, почти возле самой деревни, они остановились. Впереди шла ожесточенная стрельба. Все кругом гудело, точно тысячи огромных шмелей носились вокруг них.

На дороге показалась согнутая женская фигура. Женщина медленно брела вперед, и ветер трепал ее седые распустившиеся волосы.

— Бабушка! — вскрикнула Гю Иль и кинулась вперед.

Но старуха не обратила внимания на подбегавших детей.

Вытянув вперед костлявые руки, она, пошатываясь, шла по дороге, и глаза ее смотрели в одну точку.

— Бабушка! — еще раз в отчаянии закричала Гю Иль. — Где мама, где отец?

Старуха вздрогнула и остановилась.

— Они спят, — сказала она и так засмеялась, что холод прошел по телу Гю Иль и Лим Хва. — Спят на моем поле. А я иду к своей внучке Гю Иль… — И старая женщина опять тронулась в путь, покачиваясь, как верба на ветру.

Страшная догадка мелькнула в мозгу Гю Иль.

— Лим Хва!.. Что нам делать, Лим Хва?.. — простонала она и, прижавшись к плечу своего друга, зарыдала.

И маленький Ги за ее спиной тоже заплакал и забил ручонками, пытаясь высвободиться из одеяла.

Потом Лим Хва и Гю Иль побежали вперед, уже не обращая внимания на выстрелы. Они бежали, а кругом них что-то свистело, и когда свист становился слишком сильным, они падали и немного ползли, а потом снова бежали вперед.

Так они добежали до деревни и в ужасе остановились, потому что на месте деревни увидели только черные трубы и дымящиеся развалины. Всюду в таких же неестественных позах, как старый Ли Дон Хва, лежали люди. Гю Иль и Лим Хва подбегали к этим людям, без страха смотрели им в лицо и снова бежали дальше, разыскивая своих близких.

Среди мучительных поисков Гю Иль внезапно сказала:

— Посмотри, Лим Хва, как притих братишка. Он так долго плакал, а теперь наконец успокоился и, наверное, спит…

Лим Хва приоткрыл одеяльце и увидел посиневшее личико и неподвижные глаза. На лбу у ребенка была крохотная розовая ранка. Лим Хва почувствовал, что у него кружится голова, но он собрался с силами и сказал:

— Конечно, он спит. Пойдем скорей дальше…

Так они добежали до рисового поля и в самом центре его увидели огромную воронку от снаряда.

— Мама! — закричала Гю Иль и рухнула на колени перед неподвижной женщиной в белой окровавленной кофте.

А Лим Хва медленно шел вперед, туда, где рядом с убитым быком лежали двое мужчин — его отец и отец Гю Иль. Плакать Лим не мог.

Он только стиснул зубы и сжал кулаки.

Потом он вернулся к Гю Иль и силой заставил ее подняться с мокрой, холодной земли. Он бережно развязал одеяло на ее груди, завернул маленького Ги и положил его рядом с его мертвой матерью. Только сейчас Гю Иль поняла, что произошло, и слабо вскрикнула.

Осиротевшие дети, взявшись за руки, побрели обратно, чтобы найти людей и вместе с ними похоронить дорогие тела.

А на границе продолжали грохотать предательские выстрелы лисынмановцев, и в воздухе носились американские аэропланы. Они убивали отцов, матерей, братьев и сестер таких же детей, как Лим Хва и Гю Иль, лишив их крова и отняв у них безмятежное детство.

КОНЕЦ «ЛЕТАЮЩЕЙ КРЕПОСТИ»

Американские военные фабриканты построили большой самолет, вооружили его пулеметами, защитили чешуйчатой, как у ящерицы, броней и назвали «летающая крепость». Они говорили: «Наша крепость неуязвима. Она будет всегда побеждать в воздухе».

Когда Ли Дон Гю было пятнадцать лет, он впервые увидел журнал с фотографией «летающей крепости». Ли Дон Гю показал снимок отцу. Старый столяр, искусно отделывавший черными лакированными узорами свадебный сундук для дочери богатого рыбного торговца, отложил в сторону инструмент и долго вглядывался в контуры машины. Потом вздохнул и сказал:

— Это чудовище сделали злые люди, чтобы убивать бедняков. Но я думаю, найдутся смельчаки, которые обратят чудовище в прах и свергнут его на землю.

Семья у столяра была большая, и надо было покупать много чумизы и гаоляна, чтобы каждому досталась в обед хотя бы крохотная чашка еды. Поэтому Ли Дон Гю с детства помогал отцу строгать

рубанком и выпиливать замысловатые узоры. Несколько вечеров подряд сын столяра подолгу задерживался у верстака. Он выпросил у матери тряпицу, пропитанную рыбьим жиром, и при свете фитиля пилил, строгал, вытачивал. На третье утро, побледневший от бессонницы, он показал отцу модель маленького, похожего на сигару самолета.

— На таком самолете я когда-нибудь взлечу и разобью эту гадину, — полушутя-полусерьезно сказал мальчик.

И отец грустно улыбнулся. Ведь в Корее, где тогда хозяйничали японцы, сын корейца не мог стать ни летчиком, ни лектором, ни инженером — только столяром, или плотником или каменщиком. Для того, чтобы учиться, нужны были деньги, а откуда им взяться у горького бедняка…

Через месяц после того, как Советская Армия прогнала японцев из Кореи, Ли Дон Гю внезапно исчез. Мать его надела белые траурные одежды, потому что думала, что сын утонул или подорвался на минах, которые японцы, убегая, расставили всюду — и прежде всего в тех местах, где ходят мирные люди на глухих горных тропинках и обочинах дорог, на межах рисовых и гаоляновых полей. А старая бабушка Ли потихоньку от всех сходила в буддийский храм, над дверью которого висит надпись: «Сюда входи только с чистым сердцем», и долго со слезами расспрашивала будду, вернется ли внук. Но древний бог только таращил свои выпуклые глаза и был холоден и молчалив, как бронза, из которой он был отлит.

Через неделю Ли Дон Гю вернулся домой веселый, одетый в синий комбинезон и в фуражке с каким-то значком, похожим на птицу.

— Меня приняли в летную школу, — сказал он отцу.

И он, улыбаясь, посмотрел на деревянную игрушку, которую когда-то смастерил.

С каким волнением молодой летчик впервые сверху рассматривал родную землю! Он видел склоны гор, словно покрытые верблюжьим одеялом, — так плотно жались на них одна к другой пышные кроны лиственниц и сосен. Крылья его машины отражались в прозрачных озерах, которые сверху казались каплями росы, брызнувшей в самую гущу леса. Он любовался ровным ковром рисовых полей и густыми зарослями гаоляна. На полях работали люди в соломенных шляпах,

казавшиеся сверху крохотными. И домики у подножия гор стояли, как игрушечные, блестя кровлей, похожей на скользкую рыбью чешую.

Ли Дон Гю и его друзья были мирные люди. Они распыляли со своих самолетов белую жидкость, от которой умирали личинки малярийных комаров; они посыпали минеральными удобрениями плантации, и рисовые колосья становились крепче и гуще. Они несли неусыпную вахту, поднимаясь над городами и селами родной страны в те часы, когда все спало, и зорко сторожили, чтобы откуда-нибудь не вынырнул злобный враг.

Американские фабриканты построили свои машины, чтобы сеять смерть и разрушение. Им невыгодно, чтобы эти машины стояли без дела. Мирный труд простых людей им ненавистен. И они послали свои машины в разные страны — во Вьетнам, в Грецию, в Малайю, в Китай и Корею.

Настал день, когда Ли Дон Гю и его друзьям пришлось пересесть на боевые самолеты, чтобы защитить свою страну от зловещих серых птиц, точно таких же, каких однажды юный столяр увидел в журнале. Теперь Ли Дон Гю видел «летающие крепости» ежедневно. На своем самолете он кружил над городами, которые были превращены в развалины американскими воздушными разбойниками, и молча стискивал зубы. Он вспоминал отца, неграмотного столяра, который утверждал, что только злые люди могли построить такие машины. Но теперь он твердо знал: есть у народа смельчаки, которые захотят сбить и собьют эти машины. Он сам бил эти бронированные чудовища всюду, где настигал, бил беспощадно и точно.

Однажды три огромные серые машины появились прямо перед Ли Дон Гю. Они неуклюже ползли по небу, как свинцовые дождевые тучи.

Чуть-чуть нагнувшись, Ли Дон Гю произнес в телефон одно только слово: «Бей!»

И его друг в самолете, который шел следом, услышал это короткое слово и одобрительно кивнул головой, как будто Ли мог его видеть.

И вот два легких маленьких самолета ринулись навстречу бронированным великанам. Стиснув зубы, Ли Дон Гю шел в атаку, стремительный и неуловимый. Казалось, он сросся со своим истребителем — так чутко повиновался ему истребитель, так ловко выскальзывал он из убийственного огня.

Четырнадцать человек били по истребителю из одной «крепости», четырнадцать — из второй, а Ли Дон Гю, неуязвимый, продолжал вертеться, как игрушечный деревянный волчок. Наконец, улучив ту единственную секунду, в течение которой вражеский пулемет молчал, Ли Дон Гю вынырнул вдруг у самого бока «крепости», дал короткую точную очередь в одно из немногих незащищенных мест и взмыл вверх.

Глядя вниз, он увидел знакомую картину: красные языки пламени и черный дым, который валил из подбитой машины. Он удовлетворенно улыбнулся, хотел поправить шлем на голове, но тут заметил, что по руке струится кровь. Боли он не чувствовал, и думать о ране сейчас было нельзя: справа от него молодой летчик, его друг, дрался со второй «крепостью». Злобно рыча, она обстреливала маленький самолет.

Через секунду Ли Дон Гю был уже рядом с другом. Он вновь повторил свою головокружительную пляску, и огненные очереди врага не смогли его уязвить. Он успел еще раз прокричать в телефонную трубку: «Заходи от солнца, только от солнца!» И молодой летчик понял его и повернул свою машину так, что она шла теперь оттуда, откуда прямо в глаза американцам било жаркое августовское корейское солнце. Ослепленные этим нестерпимым потоком света, враги не могли накрыть цель, и их пули летели мимо истребителей.

А потом Ли Дон По, улучив удобное мгновенье, ударил в незащищенный бок «летающей крепости». Взмыв вверх, он твердо знал: сейчас из раненного насмерть чудовища хлынет черный едкий дым.

Ли Дон Гю посмотрел на свою меховую рукавицу. Она была полна крови, и красная струйка медленно стекала по рукаву.

Трубка у его уха сказала изменившимся от напряжения, хриплым голосом:

— Вторая падает. А третью уже не догнать…

И Ли Дон Гю увидел медленно падающую «летающую крепость», вторую уничтоженную за эти короткие минуты боя. Третья удирала без оглядки — черная точка еле виднелась в чистом небе.

Вдруг из той машины, что стремительно падала, начали вываливаться какие-то предметы: один, два, три… пять… восемь… двенадцать…

«Парашютисты», отметил про себя Ли Дон Гю и медленно пошел на посадку. Вот он поровнялся с одним из американских парашютистов

и увидел его лицо: перекошенный от ужаса рот и глаза, почти вылезшие из орбит. Завидев рядом с собой самолет, американец, подвешенный к парашюту, судорожно вскинул вверх руки.

Ли Дон Гю огляделся и увидел, что все парашютисты летят с поднятыми вверх руками. Это было так неожиданно и так смешно, что он громко захохотал и услышал, как у самого уха захохотала телефонная трубка.

Очень хотелось Ли Дон Гю поговорить с этими летчиками, которые не знают даже, что такое воинская честь. Когда он вернулся на аэродром, врач, осмотрев его раненую руку, категорически запретил очередной вылет. Ли Дон Гю попробовал протестовать, но потом, вздохнув, сел в автомашину и поехал туда, откуда уже позвонили, что задержано двенадцать американских парашютистов и что двое разбились насмерть из-за того, что их парашюты не раскрылись.

Перед домиком, где временно помещались военнопленные, было множество народа. Возле окон толпились деревенские мальчишки. Люди расступились, и Ли Дон Гю вошел в дом. Американцы сидели на цыновках и жадно ели рис и вареную рыбу.

Два молоденьких солдата-корейца, опершись на ружья, с презрением наблюдали за тем, как едят пленные. Увидев Ли Дон Гю, часовые вытянулись и отдали честь. Затем один из них протянул летчику несколько деревянных дощечек.

— Это мы нашли у троих на шее, — с отвращением сказал паренек.

И Ли Дон Гю прочитал аккуратно вырезанные на дощечках корейские слова:

> «Я богатый человек. Я хорошо вам заплачу. Дайте
> мне поесть. Спрячьте меня, сохраните жизнь и помогите
> пробраться к своим».

Ли Дон Гю крепко сжал в руке дощечку и повернулся к пленным. Они молча смотрели на его грудь, украшенную звездой Героя Корейской Народной республики.

Переводчик, приехавший с Ли Дон Гю, спросил:

— Что вы хотите узнать у них?

И Ли Дон Гю ответил:

— Я сбил десять «летающих крепостей» и собью их еще столько, сколько смогу. Но я долго не мог понять, почему так быстро перестают летать «летающие крепости». Теперь я понял это… — И Ли Дон Гю повертел в руках дощечку. — Потому, что ими управляют люди, которые, отправляясь в бой, способны повесить себе на грудь такие надписи… Скажите им, что у нас, в нашей маленькой стране, нет ни одного, кто бы, боясь за свою шкуру, мог написать нечто подобное. Я возьму с собой одну дощечку. Я повешу ее в кабине моего истребителя, и она будет в минуты боя напоминать мне, каково истинное лицо моих врагов…

Потом Ли Дон Гю вышел из домика, не глядя на тех, кто перестал жевать, с робостью вслушиваясь в его непонятные горячие слова.

Деревенские мальчуганы, не проронив ни слова из речи героя, кинулись провожать его до машины. И один из них, самый смелый, крикнул как только мог громко вдогонку тронувшейся машине:

— Теперь я тоже знаю, почему перестала летать «летающая крепость»!

ДВА ОТЦА

Дональд С. Сирман, летчик из Филадельфии, впервые появился над Пхеньяном в ясный июльский день. Он сопровождал десять «летающих крепостей» и, пока «крепости» кидали бомбы на тихие жилые кварталы, решил слегка позабавиться. Его истребитель вихрем проносился на бреющем полете вдоль городских улиц и строчил из пулемета по крышам домов, обстреливал трамваи и бегущих пешеходов. Дональд С. Сирман видел, как падали люди, пораженные смертельным огнем.

Вечером в кругу товарищей летчик похвалялся своими первыми успехами.

— Вы знаете, когда бьешь вот так сверху по бегущим, охватывает азарт охотника, — разглагольствовал он.

— Да, но ведь это все-таки люди, — сдержанно сказал один из бортмехаников, на которого давно уже косились летчики, потому что он

попал в армию по принуждению и все время твердил что-то о несправедливой войне.

— Люди! — презрительно захохотал Сирман. — Какие люди?! Ведь это же корейцы!

Бортмеханик встал и молча вышел, и один из летчиков сказал с досадой:

— Не обращай внимания, Дональд, на этого красного! Завтра его отправят обратно в Америку, и будь спокоен, там ему не поздоровится.

Дональд С. Сирман чувствовал себя восхитительно. Деньги так и сыпались в его карманы — доллары, которых там, дома, в Филадельфии, ему всегда так нехватало. Он старался заработать их сейчас как можно больше. Так, например, многие летчики не желали летать в воскресенье. Они откладывали боевые вылеты на понедельник, а в воскресенье целый день пили виски и ухаживали за хорошенькими сестрами милосердия. Тогда командование объявило, что за воскресные вылеты будет выплачиваться двойной оклад, и с тех пор Дональд С. Сирман летал обязательно каждое воскресенье и старался стрелять как можно точнее. За это платили хорошие деньги, и — глупо было этим пренебрегать. Ведь он приехал сюда именно для того, чтобы подзаработать.

Однажды вечером командир в присутствии всех объявил Дональду благодарность в приказе.

— Вчера он один сжег целую деревню, — сказал командир, — это очень похвально. Деревни следует жечь термитными снарядами, потому что корейцы прячут в своих хижинах партизан и убивают наших пехотинцев…

Как раз этим же вечером летчики решили посмотреть поближе страну, которую они жгли и бомбили с воздуха, получая за это новенькие хрустящие доллары. Несколько автомашин тронулись в ближайшую деревню, ту самую, которую вчера сжег Дональд С. Сирман, а сегодня оккупировали американские пехотинцы. Летчики оставили «джиппы» возле околицы, потому что по деревенской улице, заваленной обломками домов, нельзя было проехать, и не торопясь тронулись вперед, с любопытством разглядывая все окружающее. Дональд с видом знатока давал короткие пояснения:

— Вот тут, видимо, была школа. Видите — глобус. — Он толкнул ногой голубой шар, и тот завертелся вокруг своей черной ножки. — А это, конечно, лавчонка: яблоки и конфеты перемешались в одну кучу.

В деревушке не было людей. Там и сям лежали трупы, на которые летчики попросту не обращали внимания. Американцы вели себя, как на обычной экскурсии: задавали Дональду вопросы, хохотали и старательно разыскивали среди развалин сувениры. Одному счастливчику удалось найти две костяные палочки, которыми корейцы едят рис, и это вызвало завистливое восхищение остальных. Ведь привезти в Америку такую экзотическую вещь, да еще найденную среди развалин, страшно интересно!

У Дональда развязался шнурок на ботинке, и он немного отстал от веселой компании. Нагнувшись, он вдруг увидел в придорожной канаве, в двух шагах от себя, мертвую девочку. Она была совсем маленькая и так спокойно лежала на своей сырой постели, как будто спала. В правой ручонке она сжимала куклу. Дональд С. Сирман шагнул вперед и вынул из холодных пальчиков интересную игрушку. Кукла была искусно сделана из папье-маше. Это была настоящая кореяночка — чуть-чуть раскосые глаза, смуглый румянец на щеках, национальная кофта, завязанная на груди широкими яркими лентами, и длинная бархатная юбка. Замечательная удача — не то что какие-то жалкие костяные палочки! И Дональд громко позвал друзей. Все столпились возле него и с интересом разглядывали куклу. Дональд С. Сирман торжественно спрятал свой «трофей» в карман и сказал:

— Вот наконец настоящий корейский подарок для моей маленькой Дженни! Она будет хвастать им перед своими подружками.

Потом летчики сели в машину и уехали обратно, очень довольные своей прогулкой, а маленькая кореяночка, убитая Дональдом С. Сирманом, так и осталась лежать в канаве, и ее правая ручонка, еще недавно сжимавшая куклу, беспомощно повисла.

Дональду С. Сирману так и не пришлось заработать много денег. Через несколько дней его самолет подбили, а самого — взяли в плен.

В палатке майора Народной армии пленного обыскали. В его кармане нашли листок белой бумаги — приказ американского полковника, в котором объявлялась благодарность Сирману за сожженную деревню. Майор мрачно выслушал перевод приказа, сделанный ему переводчиком, и брезгливо отложил в сторону эту бумажку, поощрявшую гнусное убийство. Потом он недоуменно взглянул на куклу, вынутую из кармана пленного.

— Зачем вам это? — сказал он устало.

И немолодой высокий кореец перевел летчику этот вопрос.

Тогда Сирман, желая как-нибудь разжалобить майора, вытащил из бумажника фотографию. На ней была изображена смеющаяся, кудрявая Дженни.

— Это моя дочка. Ей только пять лет. Мне так хотелось доставить ей маленькую радость! Ведь я отец, — сентиментально сказал Дональд С. Сирман и глубоко вздохнул.

Сзади тяжело щелкнул приклад автомата, и майор увидел мертвенно-бледное лицо одного из солдат, взявших летчика в плен.

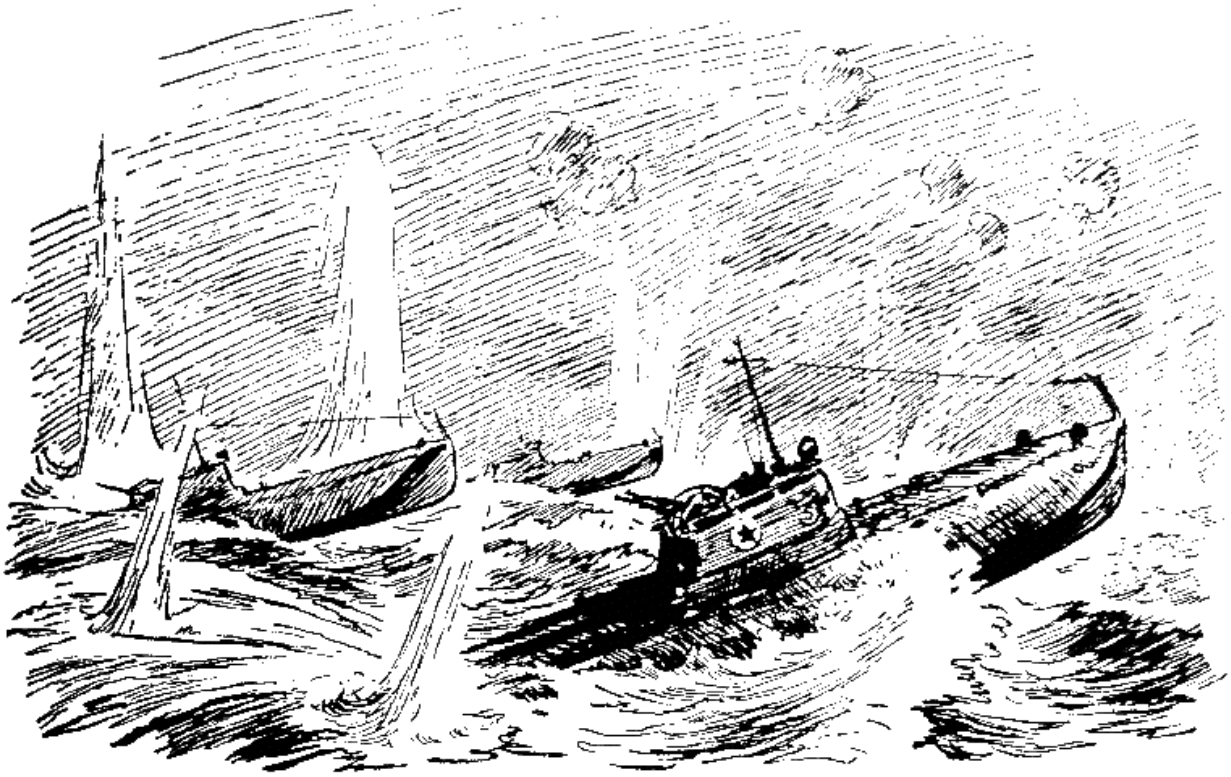
— Что с тобой, Ким? — спросил он тревожно.

Солдат приблизился к столу и молча взял в руки куклу. Он долго смотрел в ее накрашенное смеющееся личико и наконец хрипло сказал:

— Эту куклу я сам сделал своей дочурке. Раньше я был художником. И никогда не делал кукол. Поэтому мне пришлось много раз рисовать ее лицо, чтобы оно стало похожим на лицо моей дочурки. А для косички жена отрезала прядь собственных волос. Мы подарили эту куклу нашей девочке, когда ей исполнилось пять лет — столько же, сколько дочери этого убийцы! — И он кивнул в сторону Сирмана. — Но его Дженни жива, а мою Ем, так же как ее мать, убил этот зверь и даже ограбил мертвую…

В палатке стало очень тихо. Перед майором стояли два отца — корейский солдат в запыленной гимнастерке и американский летчик в яркожелтой курточке со множеством «молний».

КРЕЙСЕР ИДЕТ КО ДНУ



Над морем стоял густой белый туман, и сквозь него кое-где просвечивали желтые лучи просыпающегося солнца. Командир четверки торпедных катеров Ким Гун Ок устало опустил бинокль и вытер платком покрасневшие глаза. Потом он вынул из кармана кителя розовый клочок тонкой бумаги и в сотый раз перечитал коротенькую шифрованную радиограмму: «Разведайте направление появившегося американского крейсера».

Ким Гун Ок озабоченно вздохнул. Всю ночь подчиненная ему четверка торпедных катеров бороздила воды Японского моря, всю ночь не спали моряки, напряженно выискивая в темноте силуэт вражеского корабля, но так и не выполнили лаконичного приказа. Крейсер исчез, словно растворившись в белом тумане.

Командир снова медленно поднес к глазам бинокль и вдруг весь подался вперед. Сквозь редеющий туман прямо в бинокль смотрела с горизонта крохотная черная точка, вторая, третья…

Ким Гун Ок решил, что это ему просто показалось, что от усталости рябит в глазах, и он тщательно вытер стекла бинокля и снова поднял его на уровень глаз.

Нет! Все было именно так: три корабля шли им навстречу, три грозных вражеских корабля.

Ким Гун Ок не отрываясь смотрел вперед. Собственно говоря, боевое задание было уже выполнено: враг обнаружен, и можно итти назад и доложить командованию обстановку. Но ведь это можно сделать и по радио, а самим…

Решение созрело сразу. Продолжая поворачивать бинокль то влево, то вправо, Ким Гун Ок отдал короткий приказ:

— Приготовиться к атаке!

На всех четырех катерах, казалось, только и ждали этих знакомых точных слов. Замерли у своих аппаратов торпедисты, застыли у пушек комендоры, затихли в машинном отделении мотористы.

Четыре крохотных суденышка и три мощных стальных корабля неуклонно шли на сближение. На американских крейсерах тоже заметили катеры и открыли заградительный огонь.

Море стало совсем белым — так яростно взбивали воду американские снаряды. А маленькие катеры мчались всё вперед и вперед, наперерез врагу, выпуская торпеды и потом ложась на обратный курс.

И вот головной крейсер дрогнул и накренился. Первая торпеда попала в цель. Разъяренные американцы со всех трех крейсеров открыли убийственный огонь. Но на место убитых моряков вставали другие.

Вот еще одна торпеда попала в крейсер. В ту же минуту на одном из катеров, еще несущем в себе грозные торпеды, загорелся бензиновый бак. Столб огня встал над морем, но моряки стремительно бросили в атаку свое суденышко, превратившееся в пылающий факел. Они выпустили две свои торпеды и только после этого направились к берегу.

Загорелся и второй катер, и упал насмерть сраженный осколком снаряда его смелый командир Цой Ден Су — тот, кто первый подбил вражеский корабль. На катере оставалось всего четыре моряка, которые медленно повели его к берегу, дав прощальный залп из пулеметов.

Ким Гун Ок трезво оценивал обстановку: три катера уже выпустили свои торпеды и два из них окончательно вышли из строя, а

подбитый крейсер все еще продолжал держаться на воде. Надо было во что бы то ни стало нанести врагу смертельный, сокрушительный удар, иначе этот морской бой окажется ненужной и жалкой затеей.

Ким Гун Ок наклонился к самому уху командира катера Ли Ван Гына и прокричал что есть силы:

— В атаку!..

Кругом стоял такой оглушительный грохот, что Ли Ван Гын ничего не услышал, а понял слова начальника по движению его губ. Он наклонился к рупору, ведущему в машинное отделение, и через секунду катер, поднимая вверх белые пенные брызги, выпустил две торпеды — последние торпеды маленького морского отряда. Это был такой богатырский удар, что все огромное, неуклюжее тело мощного американского корабля содрогнулось. Раздался взрыв, и крейсер стал погружаться в воду.

А катер уже мчался к берегу, прыгая с волны на волну, как ловкий спортсмен с трамплина.

Ким Гун Ок сдвинул на затылок фуражку и медленно отер пот со лба. Там, где только что уверенно держался на воде огромный вражеский корабль, была странная пустота. И в бинокль можно было видеть маслянистые темные пятна, выступившие на поверхности моря. Это все, что осталось от крейсера, пошедшего ко дну.

Через неделю на улицах Пхеньяна — древнего красивого корейского города — появились портреты двух моряков. Мужественные, открытые лица смотрели с плакатов на стенах домов.

Маленький Иль Ен, шедший с матерью на базар, вдруг судорожно схватил ее за руку:

— Это наш папа! Папа! Почему везде висят его портреты? И откуда у него появилась такая красивая звездочка на груди? А рядом с ним дядя Ван Гын. Помнишь, он приходил к нам в гости и ты пекла такой вкусный тог?

И мать, смущаясь под взглядами остановившихся прохожих, отвечала тихо и взволнованно:

— Я еще не успела прочитать, что здесь написано. Но, кажется, он стал героем, наш папа…

К матери и сыну подошел старый человек. Он взял за руку Иль Ена и подвел его к портрету отца.

— Американский крейсер пошел ко дну, потому что есть настоящие герои у нашего корейского народа! — сказал он внушительно. — Запомни это, внучек, и будь таким, как твой отец…

И толпа, собравшаяся вокруг них, горячими рукоплесканиями приветствовала жену и сына героя.

ВСТРЕЧА НА ДОРОГЕ

Ким Кван Су не собирался воевать. Он был мирным земледельцем. Он лучше всех в деревне Зеленая Гора пахал мягкую красноватую землю, выращивая яркую зеленую рисовую рассаду на поле своего старого отца. Он считался отличным охотником и прошлой зимой подарил черноглазой соседке Цу Дза десять отборных беличьих шкурок. Дробинки попали белкам точно в глаз, и голубоватые шкурки нигде не были попорчены.

Ким Кван Су строил неподалеку от отцовского дома собственное жилье. Еще весной он взял долгосрочную ссуду в Государственном банке и возвел стены уютного домика, где они собирались жить вдвоем с Цу Дза. А его молодая невеста ткала яркий ковер, чтобы повесить его в самой большой комнате, и плела из рисовой соломы мягкие желтые цыновки для будущего жилья.

Молодые люди решили пожениться в октябре, после праздника урожая. Цу Дза уже примеряла перед зеркалом свой свадебный убор —

длинные старинные серьги, которые блестели от камешков, похожих на дрожащие росники. Ким Кван Су смотрел на букетик цветов, сделанных из пестрого шелка, который каждая невеста в Корее прикрепляет к волосам в день свадьбы, а потом представлял себе длинный стол, покрытый красной скатертью и уставленный множеством разной вкусной еды. Невеста, по обычаю, обязана была просидеть несколько часов подряд перед этим столом, символизирующим богатую, счастливую, сытую жизнь в доме будущего мужа. Лицо ее должно быть строгим. Она не смеет улыбаться в эти торжественные минуты — так учит древний обычай. А Цу Дза так звонко смеялась, примеряя убор невесты, что Ким Кван Су не мог, как ни старался, представить себе ее грустной и сосредоточенной за красным столом.

— Это старый, плохой обычай — грустить! — весело говорила Цу Дза своему жениху. — А мы будем смеяться на на шей свадьбе.

…Вспоминая этот ласковый вечер, последний мирный вечер, Ким Кван Су глухо застонал и теснее прижался лицом к мягкой, прохладной земле. Сюда, в самую чащу леса, он забился, как раненый зверь, выслушав страшный рассказ своего односельчанина, партизана, пришедшего в расположение их части. Бородатый седой человек говорил обступившим его солдатам, что американцы несколько дней тому назад ворвались в деревню Зеленая Гора, что они искали партизан и подвергли крестьян жестоким пыткам, желая выведать, где находится партизанский штаб. Но в деревушке не нашлось ни одного предателя. Тогда американские звери согнали крестьян в школу, облили здание со всех сторон бензином и подожгли. Когда школа запылала и оттуда донеслись крики заживо горящих людей, американцы захохотали. Потом они подожгли деревню и ушли.

Старый партизан обвел глазами солдат и, увидев бледное лицо Ким Кван Су, прочитал мучительный вопрос в его глазах.

— Там были твои отец и мать, Ким, — сказал старик негромко.

— А Цу Дза, дочка Киль Ги Чена? — почти крикнул Ким Кван Су и шагнул вперед.

— Пять самых красивых девушек американцы увели с собой, — глухо ответил старик. — Среди них были Цу Дза и ее подруга, моя внучка Ли Ден Сук, та, что пела, как соловей… Вчера мы нашли их истерзанные тела в лесу.

Ким Кван Су, шатаясь, поднялся с земли. Он умылся в ручье и пригладил волосы. Он был солдат, он защищал мир и свою страну, он не имел права сейчас думать только о себе, о своих близких. И поэтому, когда он вернулся в часть, друзья не могли ничего прочитать на его бесстрастном лице. Оно только слегка осунулось, и глаза горели каким-то сухим блеском. Вечером командир вызвал его к себе. Ким Кван Су получил задание пойти в соседний батальон и принести оттуда несколько противотанковых гранат.

Благополучно добравшись до места, он подвесил к поясу гранаты и тронулся в обратный путь. Когда он собирался пересечь шоссейную дорогу, внезапно послышался грохот танков. Притаившись за кустом, Ким Кван Су ждал.

На дороге появилось три тяжелых американских танка. Первый раз в жизни молодой крестьянин видел перед собой стальные чудовища. Но не страх владел им в эти мгновения, не желание укрыться и глубже спрятать голову в спасительные кусты. Нет! В эти минуты он вспомнил все: черное пепелище на месте родной деревни, окровавленное тело невесты… В его ушах звучали крики заживо горящих людей. И он, забыв приказ командира, забыв все на свете, рванулся вперед и метнул одну гранату в первый танк, затем, отбежав немного, — в последний. Обе машины вспыхнули, задымились, а второй танк, очутившийся в середине между пылающими машинами, заметался, пытаясь уйти в сторону. Но горящие заживо американские бандиты, предполагая, что имеют дело с крупным отрядом корейских войск, обезумели и тоже стали метаться по шоссе. Все это произошло буквально в несколько секунд, и вот уже два горящих танка сжали между собой третий, и тот тоже запылал.

Тогда Ким Кван Су кинулся вперед через кусты, чтобы выйти к своим и принести им последнюю оставшуюся гранату. Но на повороте навстречу ему выскочил американский «виллис». И Ким Кван Су, ни секунды не задумываясь, метнул в него последнюю гранату.

Когда рассеялся дым, он кинулся к опрокинувшейся машине и вынул из карманов двух убитых офицеров документы. Шофер был слегка оглушен, но жив. Он протянул вверх руки и глазами указал на сиденье, бормоча что-то непонятное. Держа автомат наизготовку, Ким Кван Су посмотрел туда, куда указывал шофер. Там, аккуратно завернутые, лежали американские военные знамена. Когда Ким Кван

Су брал эти знамена, шофер вдруг выпрямился, метнул нож и попал Киму прямо в грудь. Ким пошатнулся, но успел дать короткую очередь, и шофер скатился под откос.

Почти час Ким Кван Су, окровавленный, задыхающийся, лежал без сознания на дороге. Наконец он пришел в себя и пополз…

Прошло много часов, прежде чем он добрался до своей части. Шатаясь, держась руками за стены, он вошел в командирскую палатку и отдал честь своему начальнику.

— Я не выполнил задания, — сказал он через силу. — Я не донес гранаты до места. Я использовал их по пути…

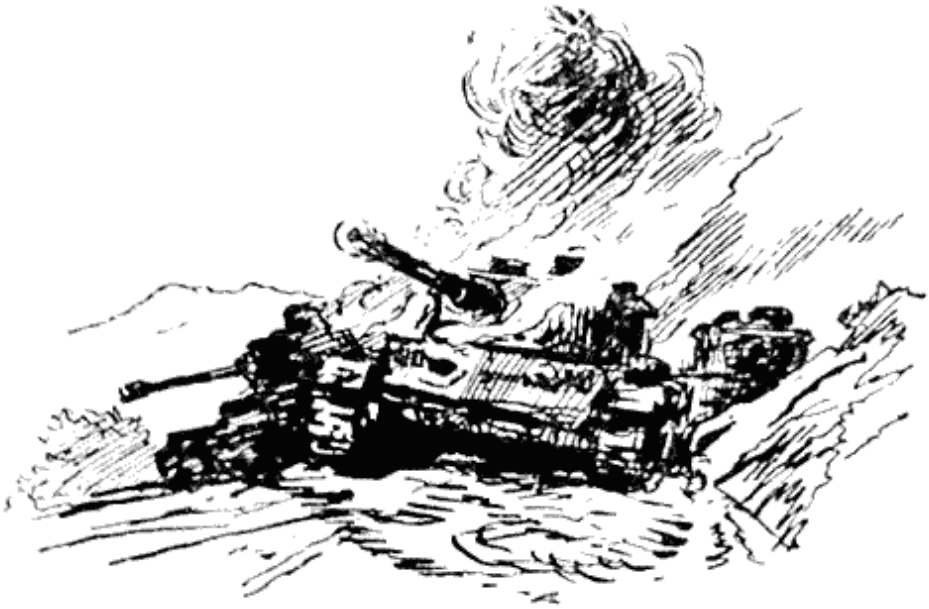
В части уже знали о том, что случилось на дороге. Разведчики, услышавшие взрывы и прибежавшие к месту поединка Ким Кван Су с танками, успели даже поймать двух уцелевших американских танкистов.

Они сейчас как раз сидели в палатке и через переводчика отвечали на вопросы. Американцы объясняли, что на них напало много корейцев, которые устроили побоище на дороге.

Тогда глаза Ким Кван Су блеснули. Он шагнул вперед, забыв, что находится в палатке начальника.

— Скажите этим трусливым негодяям, что там, на дороге, был только один кореец, — и Ким Кван Су ткнул себя в грудь кулаком, — но он сражается за свою родину, за свою мать, за свою невесту. Скажите им еще, что так будет сражаться каждый кореец. Пусть они поймут это, грязные воры, забравшиеся в чужой дом!..

Потом он вышел из палатки и лег прямо на сырую землю, потому что сильно-сильно устал.



К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва 47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

---

notes

Примечания

1

Отец.

2

Резиновая обувь, вроде тапочек.

3

Хлеб из рисовой муки.

4

Тонкая круглая лапша.